

18+

Наталья Стремитина
**ДВА ЧАСА НАСЛАЖДЕНИЙ
ЗА УМЕРЕННУЮ ПЛАТУ**

Наталья Стремитина
Два часа наслаждений
за умеренную плату. Крутая
откровенная проза о любви...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66844425
ISBN 9785005361615*

Аннотация

«Читатель попадает в лабиринт: автор пугает и завораживает. Здесь магический реализм, и психоанализ, фантастические зарисовки и открытие новых смыслов бытия», – пишет известный московский критик Виталий Пацкоков. «Думать и заставлять думать других» – вот моя цель, говорит автор. Я верю в Добро и Красоту, для этого я и тружусь...

Содержание

Приглашение к книге	5
Рассказы	7
Два часа наслаждений за умеренную плату	7
Исцеление утром	18
Случай на дороге	33
Сонатная форма	45
Собаки жизни и смерти	56
Еще раз о телепатии	67
Эксперимент	72
Летучий голландец	92
Лавка чудес	103
Повести	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

**Два часа наслаждений
за умеренную плату
Крутая откровенная
проза о любви...**

Наталья Стремитина

Корректор и редактор Мария Федченко

Дизайнер обложки Борис Коган

© Наталья Стремитина, 2021

© Борис Коган, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-6161-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приглашение к книге

Творчество Натальи Стремитиной – одно из самых оригинальных явлений «женской» прозы в русской культуре конца XX столетия» – впервые представляется в такой полноте в книге «Два часа наслаждений за умеренную плату».

В этой антологии мы сталкиваемся с самыми разными жанрами, однако автор неизменно нарушает их, преступая многие «культурные нормы» и «каноны» – от мини-автобиографического романа «Прощание в сентябре» до проникновенных афористических новелл: от философской притчи до документальной повести «Записки из подвала», которые органично соединяют высокую поэзию прозы и аналитическое мышление.

В самых существенных моментах творчество Натальи Стремитиной подчиняется единственному принципу: быть честным в мысли до её предела, быть честным там, где у самых радикальных умов не хватает мужества, где сам разум пытается отступить, увиливая от ответа, и загадочно умолкает.

Эта книга напоминает лабиринт – но у каждого человека свой путь в лабиринте. Лабиринт Н. Стремитиной увлекает читателя не только возможностью героического самоутверждения в любой ситуации, но и той вероятностью обретения себя ещё до обнаружения спасительного выхода.

Читатель получает приглашение к путешествию, где свет и любовь открываются не в конце пути, а в каждом моменте вашего продвижения по лабиринту: здесь и стратегия «письма» XX века – магический реализм и экзистенциализм, психоанализ и интегральные парадигмы и фантастические зарисовками в духе великого Босха.

Автору удаётся увлечь читателя, заразить его своей литературной отвагой и рассказать непринуждённо то, о чём некоторые люди боятся даже думать наедине с собой.

Однако читатель, узнав «маршруты» и фантазии автора, не должен слепо следовать им: ему нужно заглянуть в то пространство, где заканчиваются все стили и метафоры и открывается, по выражению Ж. Батая, «край возможности человека». Там и только там вы услышите подлинный голос автора.

Виталий Пацкоков

Рассказы

Два часа наслаждений за умеренную плату

Раз в месяц (иногда приходится откладывать поход в баню и два, и три месяца) Женька отправляется в «Oberlaa»¹. Получив номерок в раздевалке, поэтесса, музыкантша, издательница и домашняя хозяйка Женька так быстро раздевается в кабинке, что можно подумать, словно большую половину своей жизни она проработала в армии или борделе.

Почему она так спешит? Да потому что в кошельке у неё есть деньги только на два часа – первый тариф, остальные монеты придётся тратить на дорогу в метро и трамвае. Проездной билет почти никогда не покупается вовремя, а на «месячный» почему-то уже давно нет этих легко исчезающих евро. Ну и что? Вы думаете, что удовольствия от жизни получают только богатые дамочки, у которых миллионы в банке? Ошибаетесь! У Женьки есть свой пример для под-

¹ «Oberlaa» – большой оздоровительный комплекс в Вене, где есть бассейны с холодной и горячей водой, сауны с разной температурой, дыхательные камеры с эвкалиптом, ромашкой и другими травами, ультрафиолетовые излучатели и многое другое.

ражания – философ Сократ². Он был, по-нашему, бродяга (так о нём говорили во времена социализма – на самом деле получил наследство от папы скульптора), но ходил в стоптанных сандалиях и замызганной тунике (что было под ней, никто так и не узнает) и не имел почему-то при себе никаких драхм, ведь дело происходило в Греции. Но удовольствия от жизни получал регулярно, сидел на пирах у богатых вельмож и проповедовал, как надо жить. И что удивительно – они его слушали и восхищались!

Женька тоже имеет свою философию, даже придумала первый закон в своей книге бытия: *«Нужно получать самые большие удовольствия от жизни за самую низкую плату!»* Эта формула спасает Женьку и сейчас. Ведь можно сидеть в «Oberlaa» и четыре часа, и весь день, а толку-то что – кругом ленивые толстые тела и никакой радости в глазах – только скука...

А почему? Да потому что большинство дамочек, конечно, те, что солидного возраста, не знают, в чём смысл посещения бани! Вы что думаете – помыться? Попариться? Поплескаться в бассейне с холодной водой, а потом – в горячей или наоборот? Это, конечно, тоже, но главное не в этом!

Женька ходит в баню, чтобы *продлить свою жизнь*. А зачем продлевать, если всё время что-то мешает наслаждаться жизнью? Да потому что, чтобы успеть сделать то, что она за-

² Сократ – греческий философ, который следовал изречению «Познай самого себя».

думала в своей жизни, – нужно Время. Вот его-то она и продлевает!

Итак, Женька сбрасывает с себя все нерешённые проблемы так же, как одежду, быстро и аккуратно, чтобы потом подобрать. Но сейчас она как бы воспаряет, забывает обо всём, ведь ей очень важно заставить свой организм помолодеть – хотя бы на месяц, а то и два. И тогда Женька будет следовать второму закону из своей книги: *«С годами можно не только не стареть, а наоборот – молодеть!»*

Вы спросите: как это возможно?

Многие верят в астрологические прогнозы, в переселение душ, в шаманов, да мало ли во что! А Женька верит в вечную молодость и в то, что сам человек может управлять своей судьбой. «Вот, например, я хочу прожить 100 лет. Если мне этого очень хочется – *я не буду вредить своему драгоценному организму*, а буду его холить и лелеять. Зачем надрываться „у станка“? – думает Женька. – Да пусть хоть миллион заплатят, вот их, сколько дураков умирает на рабочем месте! Этот вариант не для меня, я жить не только хочу, но и умею... наслаждаться жизнью. Вот поэтому я выбрала профессию, где ты занят полдня, а остальное время можно наслаждаться прогулками на чистом воздухе, чтением книг, общением с умными людьми и даже заниматься музыкой для собственного удовольствия. В крайнем случае – можно начать рисовать, ведь главное – захотеть открыть в себе ещё один новый талант».

Кстати, «*Когда вы открываете в себе что-то новое – вы молодеете*» – это уже третий закон из философии Женьки. Не смейтесь, это действительно закон.

Нет ничего страшнее однообразной монотонной жизни. Всё живое требует впечатлений, а значит – новизны! Смена погоды – новизна, смена жены или мужа – новые страдания или новые радости – это новизна! Отсутствие денег – это тоже новизна! Внезапный выигрыш – это уже страшная перемена в жизни! Ещё неизвестно, что хуже! Вы знаете, что богатые люди чаще умирают от несчастных случаев: их иногда травят родственники, они иногда разбиваются на личных самолётах, их дети покупают самые быстроходные машины, а вы сами знаете, к чему это ведёт!

Однако мы отвлеклись от нашей темы – *два часа наслаждений за умеренную плату*. Смогла бы Женька так интенсивно жить, если бы у неё были деньги? Это ещё вопрос!

Итак, первый пункт программы – сауна. Казалось бы, чего проще – зайти в комнатку с деревянными стенами и потолком, садись на полотенце и тупо потей, слушая болтовню своих соседок.

Женька редко ходит в баню с подругой: те, с которыми интересно и приятно, вечно заняты на работе или в семье, а те, кто свободен и рвётся к общению, бывают так скучны... Партнёр по бане должен понимать главную цель: *борьбу со временем*, только тогда можно в «приятном тандеме» совершать один оздоровительный подвиг за другим...

Но – вернёмся в сауну. Прежде всего, нужно постараться не попасть в толпу. Женька ловит подходящий момент, когда распаренные дамочки бросаются в холодный бассейн или тщательно смывают с тела маленькие и большие грехи; в это время сауна пуста. Здесь важно выбрать позицию – только наверху, никакой конкуренции, и обязательно лежать всем маленьким плотным телом горизонтально – без деревянного подголовника. Очень важно распластаться на полотенце так, как будто ты лежишь в ракете, которая со второй космической скоростью (12 километров в секунду) отрывается от Земли. Надеюсь, вы не забыли, что открытия про трёхступенчатые ракеты и по поводу необходимых скоростей – всё это придумал один чудак из Калуги – Константин Циолковский, между прочим, русский учитель физики в обыкновенной школе. Кстати, ни копейки на этом открытии не заработал, жил в нищете. А эксперименты делал на свои кровные денежки. Дети недоедали и даже некоторые умерли от недостатка питательных веществ. А папаша отправлял ракеты одну за другой из собственного двора – это вам почище Сократа будет! Он-то просто всем объяснял, что ничего не знает, а сам, хитрец, очень хорошо знал, в чём смысл жизни... за что его и приговорили.

Итак, Женька лежит на верхней ступеньке сауны и отгоняет назойливые мысли про бедных гениев – пора начать разминку засидевшегося собственного Тела (раньше у пишущей машинки, а теперь за компьютером). Первое упражне-

ние – шевелить пальцами ног, замученных обувью и отсутствием прохлады и без всякого контакта с земной почвой.

Ноги – божественное орудие движения по Земле. Женька обожает ходить; как важно сохранить лёгкость и энергию в ходьбе, как важно радоваться каждому шагу, ведь движение – это всегда борьба со временем, а значит, и надежда на скромную, но победу. Прогулка в один километр в день – это час жизни, а если 10 километров – это 10 часов! Вот и ещё один закон: *«Время каждой жизни относительно!»* Кто-то проживает 10 дней и теряет месяц своей жизни, а другой за то же время прибавляет себе два дня жизни! Разве это не чудо?

После гимнастики для ног Женька принимается вспоминать дыхание йогов: верхнее, среднее и нижнее. Больше всего её интересует дыхание животом. Самое простое и практичное – массаж разленившихся внутренностей – первые три дыхания для печени, ещё пять – для желудка, а остальные – для прочих мелких и больших органов. Кстати, научиться чувствовать свой анус, расслаблять и закрывать, значит управлять важным процессом очищения – этому Женька тоже научилась у йогов. А вот про разминку вагины читала у одной англичанки, которая рекомендовала не пропускать ни один вход в организм без тренировочных упражнений. Если вагина умеет сокращаться – это гораздо важнее философии, это уже искусство твоего Тела. А современные мужчины привыкли философствовать с кем угодно, только

не с дамами, в женщинах их интересует только форма груди и линия бедра, даже если им далеко за 70... А разве плохо быть привлекательной в самые интимные моменты своей жизни?

«Всё проходит», – сказал древний мудрец Соломон, и эти первые 20 минут сауны тоже прошли. За ними следует одно из самых любимых удовольствий – погружение в прохладную воду на свежем воздухе в каменном дворике. Большинство зрелых и молодых дам предпочитает лежать в креслах и вдыхать дым своих сигарет. Женька никогда не отравляла себя никотином, поскольку следует своему следующему закону: *не вредить своему драгоценному организму*. Однако, если расценивать курево не как дурную привычку, а как некое священнодействие или попытку оторваться от ежедневных забот, то у Женьки для этого тоже есть свой ритуал: не веря в конкретного Бога, она благоговеет перед Создателем и, погружаясь в бассейн, вслух (если нет свидетелей), шёпотом или мысленно, если кто-то рядом, воздаёт хвалу невидимой Причине, которая породила Universum и Жизнь, да ещё Жизнь разумную, к которой она причисляет и себя.

Женька размышляет логично: «Если я буду думать каждый день утром 2—3 минуты о том, что Кто-то создал этот мир и до сих пор остаётся за семью печатями, несмотря на великие открытия и эксперименты физиков и химиков (занимательные легенды и домыслы всех религий мира тоже очень увлекательны, но неубедительны), это не займёт мно-

го времени, но если нематериальная Мысль всё-таки куда-то проникает, может быть, этот Кто-то там, в Мироздании, подарит ей дополнительно кусочек космического Времени?!»

А сейчас Женька неумоимо плывёт своим собственным стилем – то погружаясь, то выныривая из слегка солоноватой воды маленького бассейна по диагонали, не забывая о гимнастике живота. Затем следует подводная гимнастика для ног и подтягивание на руках. Первый час в «Oberlaa» пролетел незаметно.

Следующие 30 минут Женька будет «накручивать метры» в большом спортивном бассейне с холодной водой, где такие же как и она неумоимые борцы со временем уплывают от старости и болезней... Короткие передышки на солнце – это ещё и путешествие на Карибик или Канары. Что стоит вообразить себе вместо средневропейских зелёных растений пальмы и лазурный берег, «услышать» шум прибоя и ощутить аромат тропиков...

В эти мгновенья Женька вспоминает детство и пряный влажный воздух южной ночи в Сочи на берегу Чёрного моря. Даже при социализме они с мамой – женой инженера – могли себе позволить каждый год жить на юге по два месяца, а вот в Европе Женьке это пока не удаётся...

Мгновения покоя и возвращение в детство заканчиваются. Переход в другой бассейн совершается по лесенке или подныриванием под защитным пластиком. Горячая вода поначалу даже обжигает, но Тело быстро выравнивает эту раз-

ницу, на то и существует die Homöostase – постоянная температура теплокровных, к которым относятся все млекопитающие, и люди в том числе. Здесь Женьку ждут удовольствия поистине фантастические, впрочем, как и любую другую женщину или мужчину в «Oberlaa».

Подводный массаж – это стимул для всего организма, которому далеко не всегда удаётся получать удовольствия от ежедневной трудовой или праздной жизни. Первая ступень – струя воды под давлением бьёт на уровне ног: вот и займись своими пальчиками, пяткой, щиколоткой и икроножной мышцей, разомни их, поверти в разные стороны, покрутись на месте, как балерина у станка. Затем следует уровень второй – колени и кусочек берцовой кости – разомни и эту часть тела. А теперь приготовься к наслаждению – горячая струя попадает в самые неожиданные сочленения тела, ты можешь почувствовать все оттенки эротических удовольствий, будто тобой овладела компания из женщин и мужчин, которые ласково, но настойчиво проникают во все твои отверстия.

Женька каждый раз воображает себе новое эротическое приключение – с удавом, или хоботом слона, или с необыкновенным сексуальным гигантом из другой Галактики. Однако можно отнестись к третьему уровню и по-научному – попытаться понять, где же пребывают именно *твои эрогенные зоны*, чтобы в твоей семейной или любовной жизни они, наконец, заработали в нужный момент и с подходящим парт-

нёром...

Следующая водяная бойница промассирует твой позвоночник или живот, если ты не обессилишь от предыдущих процедур и будешь поворачиваться в нужном направлении, и, наконец, последняя «протаранит» грудь и верхнее соединение тела и головы – шейные позвонки. Что может быть важнее этого участка организма? Ведь в голове рождаются все без исключения удовольствия не только Тела, но и Разума и Души...

На подводный массаж Женька оставляет предпоследние 20 минут, теперь она выныривает в главное вместилище отдыха и расслабления. Затем следует первое переодевание в кабинке – купальник сушится в центрифуге, а Женька облачается в халат и выбегает к выходу, открывает шкафчик с одеждой, стремительно одевается, не глядя в зеркало (идут последние минуты банного марафона), хватая всё лишнее в руку (на упаковку вещей нет времени) – вот и касса. Вежливая дама благодарит её за посещение «Oberlaa» и проглатывает *умеренную плату за удовольствия*, и Женька выходит на воздух.

По левую руку остаётся парк, в котором почти всегда нет времени задержаться, продлить разговор с Создателем и, подобно китайским императорам, любоваться искусственным прудом, в котором плещутся настоящие рыбы и утки. Гораздо чаще приходится резво сбежать по ступенькам и сесть в удобное мягкое кресло трамвая, который как будто дожи-

дается её на конечной остановке.

Вот здесь можно встряхнуть ещё мокрыми волосами, слегка причесаться и аккуратно разложить свои банные вещи в сумке, а теперь пора достать deutsche Grammatik – тонкую книжечку, предназначенную для чтения во время путешествий по городу, в ней содержатся основные тайны языка, который Женьке предстоит изучать ещё нё один год... Каждый раз она убеждается в том, что понимает всё больше и больше... И это вселяет надежду на многие телесные и духовные удовольствия в будущем...

Исцеление утром

Ричарду К. посвящается

Получив очередное повышение по службе, Павел Недотрогов просматривал бумаги, что привёз в папках из старого кабинета. Он всему находил своё место и даже, взяв где-то тряпку, был демократ в душе и не хотел мельтешения уборщицы перед носом, протирал корешки... Делал он всё это спокойно и неторопливо, находя удовольствие в прозаическом занятии, которое подготавливало его к более привычной редакторской работе.

В свои пятьдесят лет Недотрогов сохранил приятную внешность и некоторый романтический стиль в разговоре с людьми, откидывая голову назад, давая понять, что его душа парит в безвоздушном пространстве, при этом компенсируя маленький рост, в его взгляде сквозила возвышенная отрешённость.

Ещё бы не быть отрешённым, если вот уже 25 лет он ни разу не выходил на улицу за хлебом или за сигаретами, как все нормальные люди. Он даже понятия не имеет, кто «там» живёт и как.

Жизнь Недотрогова до ужаса однообразна: каждое утро он садится в чёрную «Волгу» с шофёром, сам никогда машину не водил и теперь вряд ли научится, и едет на службу

на Старую площадь, в отдел идеологии. Здесь он своими маленькими изящными руками, не знавшими никогда физической работы, руководит процессом поголовного оболванивания народа огромной страны России: ставит резолюции и подписывает в печать тонны пропагандистской чепухи. А затем дельцы от пропаганды насильно заставят простого смертного выписывать никому ненужную макулатуру. Самые ретивые карьеристы читают эти брошюры, а потом будут пугать трудящихся «эксплуатацией при капитализме», но не будут сообщать, куда идет прибавочная стоимость при социализме.

После вкусного и недогого обеда в столовой Недотрогов подремлет в удобном кресле, а с двух до шести вечера будет листать классиков марксизма-ленинизма, выискивая новые цитатки к предстоящим докладам и лекциям в высшей партийной школе.

В 18 часов 5 минут он сядет в ту же «Волгу» и окажется в своей квартирке около 200 метров, в одной из тех, что строились на деньги порядочных и скромных партийцев, что регулярно пополняли партийную кассу... Что может быть прекраснее раздельного туалета, в котором можно не только справлять нужду, но при желании танцевать вальс или фокстрот?

Но это было не главное – материальное превосходство, а то, что жизнь Недотрогова была за семью печатями, будто он всеми забытый граф в своём мини-кунцевском поместье, никого и ничего не слыша, мог давать абстрактные предпи-

сания нормально живущему человеку в коммуналке от науки или от искусства, или тому, что стоял у станка, или матери, качающей ребёнка? По законам марксизма?..

Среди папок, где хранились постановления, решения съездов, статьи о коммунистическом строительстве, ему попался заграничный скоросшиватель, где были подобраны в хронологическом порядке письма женщины, которую он когда-то любил. Захотелось спрятать это подальше, не прикасаться, но пальцы не подчинились мысленному приказу, как бы сами собой приоткрыли замысловатый переплёт...

«Милый Павел Иванович!..» «Что за дурацко нежно-официальное обращение?» – подумал он с досадой, справившись с волнением и заставляя себя читать её письмо, будто это рукопись, которая требует его редакторской правки.

«...мне необходимо высказаться, а может быть – признаться, чтобы это не мучило, не засасывало в трясину молчания и отчуждения. Людям часто кажется, что тишина объединяет две близкие души, но молчаливые диалоги только отдаляют, затемняют то светлое, что рождается как чудо, как награда за годы одиночества и непонимания. И надо каждый раз обозначить ступень познания другой души, чтобы продолжить разговор, чтобы не прерывать его никогда, чтобы никакие обстоятельства не могли исказить мелодию, с таким трудом извлечённую из хаоса земных дел. Хочется вечно пребывать в состоянии сеятеля,

он-то знает, что даже в самый засушливый год у него есть заветное семечко, и когда-нибудь будет подготовлена почва и для него...»

– Да, по части писем она всегда была мастерица, – сказал вслух Павел Иванович и сел в кресло, чтобы как-то компенсировать неудобство душевное, которое он испытывал, читая письмо, по крайней мере, удобством физическим.

«...Я знаю, что вы скорее задавлены, нежели поглощены своей работой, вы с удивительной покорностью приняли роль исполнителя чьей-то абстрактной воли и отказались от собственной. Вам уже не до меня, но, в сущности, вам и не до себя. Вы отстранились от мира людей и выплеснули чашу молчаливого восторга – на дне одна единственная капля, и такие сумрачные подвалы надо пройти, чтобы вдруг заметить, что на свете существуют звёздные спирали Вселенной, и юркий бессловесный таракан, и разум, дерзающий спорить с вечностью...»

– Уж не предлагает ли она мне сотворить ещё пару планеток, населённых такими же как она искателями смысла жизни, – пытался он иронизировать сам с собой, но тут мысленно увидел её совершенно отчётливо и понял, что всё именно так и обстоит, именно этой «каплей удивления» связан он с жизнью, и эта связь ему дороже всех должностей и приви-

легий.

Павел Иванович сделал движение, желая закрыть папку, но всё-таки не довел это действие до конца, а торопливо побежал глазами вперёд, будто для того, чтобы поскорее отделаться от навязчивого любопытства к самому себе.

«...Как нравится вам рядиться в одежды отшельника и делать вид, будто ваша жизнь – жертва чему-то высокому. Как легко отдавать то, чего у вас нет, как если бы какой-нибудь дикарь должен был отказаться от Шекспира или от Чайковского...»

– Ну, это уж слишком, сравнение с дикарём, – Павел Иванович покраснел, вернее, он почувствовал не сиюминутный жар, а словно вспомнил, как обожгло его лет десять назад, когда он услышал несколько фраз, оброненных ею как бы нехотя, и они задели его – так же, как сейчас.

Закрыв глаза, он мысленно вернулся в тот давний маленький кабинет редакции, где их столкнул случай. И тогда его поразила дерзкая искренность её суждений. Всё внешнее в этой женщине отступало на второй план, удивлял мужской проницательный ум, порывистость и полное пренебрежение к кокетству. При этом всё в мире страстно увлекало её – она рассказывала о лошадях, играла Шопена и Баха так проникновенно и с таким чувством, что у него останавливалось дыхание от блаженства слушать её...

Павел Иванович некоторое время сидел молча, затем открыл глаза и машинально дёрнул письмо на себя, оно порвалось, но всё ещё держалось на одной металлической дужке, и он тут же поправил письмо, посчитав нелепым бороться с листком бумаги, и этот бережный жест успокоил его.

«...Когда-то вы восхищали меня, мне было дорого ваше удивление, меня приводила в восторг ваша способность ходить по земле и не касаться её. Но потом я поняла, что быть идеалистом – так я называла вас – гораздо проще, нежели не на словах, а на деле создавать нечто идеальное...»

– Даже в любовном письме она не могла не рассуждать на отвлечённые темы. И в этом была её женская непрактичность, вернее, её тактическая ошибка, ведь там, где она могла бы добиться, впрочем, этот глагол для неё был явно неуместен, уж не добиваться власти над ним, нет, скорее, принести свободу ему. Но для этого ей надо было позволить себе быть слабой, беззащитной рядом с ним, просто женщиной, а не философом в юбке. Если бы он почувствовал себя властелином её жизни! И тогда прямоугольно-плоская проза заведённого уклада жизни сменилась бы поэзией...

Увы, современные интеллектуалки потеряли способность вести витиеватую игру в незащищённую покорность, лишь немногие умеют, покоряясь, побеждать.

Крикливые феминистки разрушили старый уклад жизни, что-то вроде нынешней *перестройки* с неожиданными последствиями – брошенные в роддомах дети и повальный женский алкоголизм вместо интеллектуального и духовного возрождения, и потеряли владыку, но и *защитника мужчину*. *Совесть и ответственность* исчезли из отношений новой генерации «свободных» мальчиков и девочек и незаметно перешли в поколение сорокалетних, заражённых *цинизмом* как новой венерической болезнью.

Но где-то в хаосе и полной неразберихе между полами, будто из навозной кучи, вдруг прорывается цветок подлинной и необъяснимой *любви* и, несмотря на свою хрупкость и незащищённость, открывает заново законы Добра и Красоты.

– Чушь всё это, красивенькая чушь, – сказал он себе вслух. Куда бы он делся со своими статьями, докладами, конференциями? Вся его жизнь была расписана по минутам и не оставляла места для свободного волеизъявления. Порядок не нарушался ни в юности, ни сейчас, когда время жизни приблизило его к зениту, и сын существовал не во сне, а наяву... Этот дорогой маленький человечек, избалованный его безмерной любовью, и жена была рядом, как прародительница его плоти, его удобная заводная игрушка, которую можно было включать и выключать как приёмник.

Но оставалась мечта о переселении своей души в тело ребёнка, почти религиозный экстаз воспитателя, но что-то

ускользало, не поддавалось, превращалось в миф. Наверно, от того, что любовь к сыну заслоняла от него здоровую любовь к самому себе и к своей жене. И только в семьях, где не отделяют одно бытие от другого, где не ждут будущего, а живут, волнуясь каждый день и каждое мгновение, не порабощая себя любовью к детям... И это открылось ему через неё.

Она жила одна с сыном в комнате, где царили рояль и письменный стол, и, казалось, ничто не может помешать ей жить так, как могла только она. Если бы у неё было десять детей, она, уложив их спать, садилась бы за свой письменный стол и читала бы Платона или Бергсона, и никакая стирка не могла бы помешать ей, когда она терпеливо и упорно такт за тактом разучивала ноктюрн Шопена.

В её руках, в звуках её голоса всё оживало, становилось неожиданно увлекательным, и был момент, когда он был готов на любые безумства ради неё. Но она не догадывалась о своих несметных сокровищах и была слишком занята собой, чтобы понять то, что происходило в его душе. Во время прогулок она часто не замечала, что он идёт рядом, рассуждая на любую тему, задумчиво или с улыбкой.

Иногда она представлялась ему угловатым подростком, без пола и возраста, и это раздражало и отталкивало его. Иногда он поражался её мудрости, но всегда наталкивался на что-то новое в ней, будто спотыкался о глыбу и чувствовал себя застигнутым врасплох. Даже пытался готовить себя

к встрече с ней, находил что-то новое и увлекательное в истории философии и приносил как ученик на урок к профессору, чтобы поразить её воображение, но она как бы опережала его, являлась опять чужая, незнакомая и непонятная.

Он уже любил её, негодуя и волнуясь, и боялся пожелать её как женщину, потому что это казалось какой-то нелепостью. Как можно было прикоснуться к её волосам и увидеть удивлённые глаза, которые спрашивали: «Разве это возможно?» И как-то само собой это желание прошло, он перестал замечать её затылок, и изящные маленькие уши в завитках волос, и то, что раньше притягивало сильнее, чем любая пышная, бездумная красота, стало пронзительным сочетанием радости, ощущением, что она здесь, идёт рядом, двигается, говорит... Он любил её иначе, не так, как раньше любил женщин. Те иногда могли привлечь одним только взглядом, в котором было желание принадлежать ему, и это упитительно-простое ощущение сразу вдохновляло на такие же простые поступки и слова, которых требовала ситуация.

Но теперь он приходил домой после прогулок с этой женщиной такой усталый, такой счастливый, будто он обладал всеми женщинами мира, хотя никогда ещё не был так целомудрен. Может быть, ей удалось заманить его в свой идеально-солиптический мирок, в который не должен верить материалист, но который всё-таки существует?

Силя в кресле и размышляя, Павел Иванович не заметил, как папка постепенно съехала с подлокотника и грохнулась

на пол. В руке у него остался ещё один листок злополучного письма, что так некстати отвлекло его...

«...В настоящей невыдуманной жизни – в терпении, добре, в обыденной повседневности маленькие люди стоят выше мудрецов, тех мудрецов, которые находят высшую форму сладострастия в аскетическом отказе от жизни, а на самом деле освобождаются от всего тяжёлого и грязного. Им не преодолеть тупую и утомительную привычку „жертвовать собой“ для других...»

Она будто отвечала ему на его вопрос. *«...но к чему это выступление в пустом зале, ведь вы уже ушли, вас нет, и никто, случайно спрятавшись за театральным креслом, не поймёт и не оценит обращённый к вам монолог. Но ответ так прост – когда двое людей любят друг друга, нельзя уйти молча. Те открытия, что помогли вы мне сделать, переполняют меня. Я знаю, что моя мысль разбудила и вас. Разве не я показала вам, что есть подлинный миг бытия, и вас обожгло, потому что на этой волшебной поляне с жёлтыми одуванчиками, с папоротниками была и крапива? Но был и подорожник, что залечивает раны...»*

– Опять развела красивенькую канитель из слов, – хотел вновь отмахнуться он от письма, но тут почувствовал лёгкий озноб, будто ветер с реки подул на него...

Она часто приводила его к белой колокольне в Коломенском и называла эту прогулку экзистенциальной. Однажды они стояли на высоком берегу реки, за спиной была заброшенная часовенка и кладбище, а перед ними – крутой склон, поросший высокой травой, бурьяном и дикими цветами.

Они стояли молча, может быть, она ждала от меня важных слов, которые должен говорить мужчина, если он любит. Но я молчал, я боялся произнести вслух то, что мы оба чувствовали и понимали. И тогда она вдруг отошла от меня, сделала какое-то странное движение, подняла руки и исчезла в высокой траве.

Я увидел её внизу, она бежала раскинув руки, будто планер, что идёт на посадку. Я был напуган и взволнован, зачем она это сделала? Она хотела доказать мне что-то? Я долго не мог двинуться с места, какое-то тупое упрямство держало меня. Я думал тогда: «Нет, я не побегу за тобой, сама прибежишь!» Я стоял долго на берегу и ждал, когда она вволю набегается у реки и вернётся ко мне. Стемнело, но она и не думала возвращаться, и тогда я понял, что потерял её. Она звала меня в свой мир, свободный и живой, а я остался в своём...

вич и закрыл глаза. Память порой совершает перемещение во времени, и тогда прошлое ты видишь так явственно, будто это и есть реальность... Женщина, написавшее это письмо, давно ушла из его жизни, а затем уехала в другую страну. Она была занята своим мужем, растила второго сына...

Однажды он позволил себе прогуляться по центру, и зашёл в книжный магазин, и увидел тонкую книжечку прозы, с обложки на него смотрело её лицо. Тогда он с волнением прочитал своего рода послание к нему, будто она писала свои повести и рассказы только для него.

«Уж лучше бы она была обыкновенной женщиной», – подумал Павел Иванович с досадой, но она всегда была слишком талантлива, и этого он не мог ей простить. Она умела быть счастливой без него, и это поражало его и бесило одновременно.

«Кстати, где-то должна быть её книжка», – подумал он и как по наитию протянул руку к нераспакованной коробке. Он нашёл книжку удивительно быстро и раскрыл на первой попавшейся странице: «...*Вы были неизменно и торжественно спокойны, вы жали мою руку на прощанье, а я уходила так, будто меня за дверью ждёт заморский принц. На самом деле я шла в свою одинокую комнату, где меня мог утешить только старый рояль да упрямая вера в себя...*»

И он опять вспомнил, как однажды она позвала его на свой первый литературный вечер в маленьком клубе. Пожалуй, она мало изменилась внешне, разве что в глазах по-

явилось нечто экзистенциальное, что могло означать: «Всё это волшебство жизни когда-нибудь кончится...» Он так и не подошёл к ней в конце вечера, потому что понял, что она не одна – большой шумный бородач всё время был рядом с ней, и маленький кудрявый мальчик забегал на сцену, а потом пел смешную песенку на её стихи. Он почувствовал себя здесь чужим, лишним, чудовищно устаревшим. Публика казалась ему странной, раскованной и даже бесстыдной. Их вопросы были слишком откровенны, а она умудрялась отвечать непринуждённо, с убийственной иронией.

Впервые за многие годы он усомнился в доктринах, которые проповедовал, его «цветочки» были бесцветны и художочны, а у неё под руками вырастал чудесный сад! Будто он корпел в грубом материальном, скорее бездуховном мире... То, что для неё было причиной духовного расцвета, для него было каторгой...

Нет, думать об этом он не мог. Голова разламывалась как от пытки. Павел Иванович поднялся, походил по своему огромному кабинету, подошёл к шкафам, где стояли книги, которые издавались миллионными тиражами и казались надёжными как библейские заповеди, а рядом на отдельной полке стояла пачка тонких брошюр и толстая монография со сложным названием – его докторская диссертация.

Он шёл по пустым лестницам здания, и ему казалось, что он идёт на Голгофу, а вместо креста тащит стопки журнала, на который в принудительном порядке подписывались мил-

лионы членов партии, и эта толпа надвигается на него, машет кулаками перед его потным растерянным лицом...

Где-то между третьим и вторым этажом он на какое-то мгновение был готов уйти из этого здания навсегда и задал себе вопрос: «А что если начать новую жизнь? У меня хорошая профессия – учитель. Вернуться в родной город на Волге и преподавать литературу. Быть близко к людям, а не читать выживших из ума маразматиков... Нормальные люди не пишут писем в ЕГО журнал, потому что они НИКОГДА его не читают...»

Он по инерции вошёл в спецбуфет, где Танечка бросилась обслуживать главного редактора.

– Принесите 50 граммов водки, – сказал он устало. И Танечка подобострастно вынесла кофейную чашечку с «неправильным» содержимым, понимающе улыбнулась.

«От кого угодно ждала эту просьбу, но не от него, тем более почётно, значит, всё-таки мужик, не совсем обюрократился со своими бумажками», – подумала она. И тут же на красивой тарелочке оказался бутербродик с икрой и осетриной.

Павел Иванович вздохнул, выпил холодный «кофе» и закусил... Нет, он не решится изменить свою жизнь. Потеряв её, он раз и навсегда потерял возможность обрести самого себя.

Водка приятно обожгла внутренности, Танечка заискивающе улыбнулась, рассчитывая на хорошие чаевые, он стыд-

ливо сунул ей красненькую...

Павел Иванович вернулся в свой кабинет, взял папку с письмами, вынул их из скоросшивателя и сунул в разрезатель бумаги. Тонкие полоски посыпались в корзину...

Москва, 1986 г.

Случай на дороге

В общежитии тускло засветились окна. Серёжа скинул одеяло, но продолжал лежать на кровати, чувствуя упругость панцирной сетки, покачался и грузно сел. В позвоночнике что-то хрустнуло, и боль жадно обхватила его и понеслась снизу вверх. Кровать ещё колыхалась под ним, и инерция движения удесятряла боль.

«Что это со мной? – подумал Серёжа и вспомнил драку в подъезде. – И чего мы не поделили? Опять эта баба задумала голову, зачем только я ввязался?»

Прояснился вчерашний день, а руки и ноги машинально натягивали одежду – на умывание времени уже не было. Серёжа передёрнул плечами, стряхивая оцепенение неудобной позы в узкой и не по росту короткой постели, встал, глубоко вздохнул и потянулся по-кошачьи гибко. Боль прошла. «И когда эти чёртовы кровати поменяют? Уж лучше на досках, чем в этой люльке, ведь не дети в общежитии живут, а мы как в детском саду. Кости ломит каждое утро», – подумал он с раздражением.

Серёжа жил в Москве третий год, работал по лимиту, возил кирпичи на стройку. Первый год работал с удовольствием, всё надеялся скопить деньги и уехать к Инге – бывшей невесте. Но деньги не скопил – обступили со всех сторон дружки, выпивка каждый день по поводу и без повода и го-

товые на всё «лимитчицы», которые начинали раздеваться прямо в подъезде и лезли на любого мужика как грязные мухи. А тут Инга прислала письмо – вышла замуж, не дождалась. (Он за два года ни одного письма ей не написал – очень занят был попойками и случайными бабами).

Серёга помрачнел и потерял стройный порядок жизни. Он-то думал, что Инга будет ждать и год, и два, а может и десять лет – на то она и баба! Теперь он не знал, для чего он втиснулся в этот чужой большой город, где никто никому не нужен. И каждое утро выходил из общаги в пять утра, сердито насупясь, ехал на автобазу, заправлял грузовик и нёсся на объект. Он равнодушно и уныло смотрел на людей вокруг, а молодые женщины вызывали в нём отвращение и ненависть: «Каждая своего мужика предаёт, у-у-у, суки подколодные», – думал он и мрачнел ещё больше.

Сегодняшнее утро казалось особенно лживым и несносным. Голова разламывалась после вчерашней выпивки, а каждый шаг отдавался в позвоночнике. Идти к врачу, просиживать в коридоре в очереди и выпрашивать освобождение от работы было унижительно, и Серёга, преодолевая боль, таскался на кухню в дальнем конце коридора, разогревал воду, делал себе чай, жевал вчерашние бутерброды и, тихо матерясь под нос, наконец, вышел на улицу.

Стоя у окошечка автобазы, Серёга приготовился побраниться для порядка с Ниной, толстой безобразной табельщицей с вечной сигаретой в зубах и томной улыбкой для каждо-

го. Но ругаться ему не пришлось, Нина была в расстроенных чувствах и придирается и заигрывать с ним не стала, а лишь прижимала платок к заплаканным глазам – правая сторона лица была сине-лилового цвета, видно, не повезло с очередным ухажёром...

День предстоял нетрудный – стройка, куда его направили, была недалеко от базы, и Серёга, довольный, сложил наряд вчетверо, сунул бумажку в верхний карман спецовки, а потом долго возился с молнией болгарской куртки, прошептав сквозь зубы фразу, где первое слово было «у», и взялся за ручку дверцы своего «МАЗа». Можно было не спешить, и он посидел, посмотрел на себя в маленькое зеркальце в кабине и подумал, что сегодня отработает, а завтра отправится в отдел кадров – увольняться. «Хватит с него, чего он не видел в этом городе, хоть и столица, где нет у него ни одного нормального друга, и где он сам ни для кого не представляет никакого интереса – будто соломинка в стогу сена, а поедет он к матери, та уже давно зовёт. И будет он жить в маленьком городке на Волге в своём доме и на своей улице, и поговорка: «Первый парень на деревне, а последний в городе» уже не смешила, а ухала тяжёлой обидой в висках.

Серёга включил зажигание, прислушался к звуку работающего мотора, вспомнил, что под телогрейкой за сидением спрятал приёмник «Сельга», покрутил настройку, поймал голос Ротару и, если бы не боль в спине, почувствовал бы себя уютно и спокойно, как человек, который принял волевое

решение и предвкушает новую жизнь. Но внутренний голос нашёптывал ему: «Нет, никогда ты уже не будешь счастлив, твоя жизнь разломана, а всё из-за них, этих проклятых баб». И в который раз он задавал себе вопрос: «Ну почему, почему его бросила Инга?» Ведь он знал, что парень он видный, даже красивый – природа не обидела ни фигурой, ни силой. Вот только новые знакомства всегда давались с трудом, характер был замкнутый и угрюмый.

Кабина машины никак не прогревалась. Серёгу знобило то ли от холода, то ли от злости. Наконец он завернул на московскую кольцевую дорогу и почувствовал себя на свободе от городской толчеи. Выключил приёмник и запел сам что-то знакомое с детства и нажал на газ...

* * *

Ирину разбудил плач сына. Она выскользнула из-под одеяла и, не чувствуя холода, бросилась к кровати. Сын ещё не проснулся, а только всхлипнул во сне. Старший сын и муж ушли на работу и в школу, и в квартире была тишина. Ирина вернулась в тёплую постель, легла на спину, вытянулась, почувствовала, как напрягся упругий живот. Сделала несколько упражнений для пресса, легко пружинисто поднялась, как уже давно не удавалось, вышла из спальни и услышала, как на электрической плите шипит чайник, который она машинально включила.

В юности Ирина могла стать спортивной звездой, с девяти лет занималась гимнастикой, а в тринадцать получила первый приз на больших соревнованиях. Но родители переехали из Ленинграда в Москву и занятия прекратились. Но от спорта осталось ощущение собранности, воля и радость движения. Никогда не позволяла себе Ирина ленивое ничегонеделание, её организм требовал работы или действия. В разные периоды жизни эта энергия могла превращаться в настоящую страсть к познанию, когда она с таким же бешеным упорством изучала философию в университете, как когда-то набрасывалась на спортивные снаряды – особенно любила брусья. А к телу своему она относилась как вместилищу этой энергии и ценила в себе не красоту, а некую неведомую силу, которая управляла звонкой радостью жизни, наполняла смыслом каждый прожитый день.

В 18 лет вышла замуж, носила своего первого сына и никогда не распускалась, как подурневшие беременные женщины, ходила на лекции до последнего дня, смеялась и шутила со своей закадычной подругой Наташкой, как и прежде до своего неудачного замужества, от которого любая другая сделалась бы на всю жизнь мужененавистницей. Ирина и здесь нашла оправдание своему глупому выбору – ведь не виноват же ураган, что убивает людей, так же и иной мужчина для женщины как внезапная буря, что и крышу снесёт, и дом разрушит...

Да, с первой романтической любовью вышла ошибка, про-

винциальный актёр рвался в столицу, а во времена социализма это было непросто, вот тут ему и подвернулась влюблённая в театр Ирина (её родители из дома не выпускали ни на шаг, старомодная невинная дура – вот кто она была). Да только брак по расчёту нашему лицедею счастья не принёс – Ирина возненавидела своего горе-мужа так яростно, что жизнь его превратилась в ад: хоть и вступил он на подмостки московского театра, но не смог преодолеть унижений крошечной зарплаты – актёра на выходах, которого и в труппу не берут, а только заманивают лестными предложениями, а на поверку отодвигают в сторону при каждом удобном случае...

Сразу после свадьбы «законный» муж продемонстрировал Ирине свой ницшеанский характер – к женщине только с грубым насилием, т. е. с хлыстом – если до свадьбы были цветы и поцелуи рук, то уж после получения печати в паспорте имел место нрав домостроевский – контраст был ужасающий... Однако и здесь Ирина скоро утешилась, ибо, как сказал великий американский писатель Воннегуд, если тебя кто-то для чего-то использует, то это не так уж и плохо, а сколько живёт на свете одиноких людей, которых даже обмануть никто не удосужится – до того всем на них наплевать!

Вот ведь какой непрошибаемый оптимизм был воспитан в Ирине: это и замечательная советская школа, в которой внушали детям, что они самые счастливые, это и хорошая наследственность от энергичной весёлой матери, и там, где

могло понадобиться длительное лечение у психоаналитика, Ирина обошлась скромными родами в клинике на проспекте Калинина, где в то время работали добрые и заботливые нянечки и акушерки, и нашла в себе силы возрадоваться тому, что родила здорового мальчика и стала молодой мамой в 19 лет.

Однако утро – не время для воспоминаний, надо бежать на кухню и варить кашу своему второму сыну от любимого мужа. После двух лет бессонных ночей (мама ни разу не приехала и не помогла), после затянувшегося одиночества (целый день одна без телефона на краю Москвы), друзей калачом не заманишь в гости. Одна радость – прогулка в лесу с коляской; Ирина вдруг почувствовала себя как прежде, будто молодость вернула ей порцию беспричинной радости. И вспомнила любимую игру из йоги – контроль дыхания: верхнее, среднее, нижнее... Можно и на голове постоять, если получится. В своём первом интервью Ирина как-то сказала, что лучшие годы её жизни – это пять лет одиночества между первым и вторым браком, вот тогда было время и на чтение, и на друзей, и на рассказы, и на музыку, и на философию, и на занятия йогой – и относительная свобода для творчества. А теперь надо мешать ложкой манную кашу, и подтягивать живот, контролировать дыхание, и радоваться тому, что вторые роды не испортили фигуру, и что прыти ещё хватит на многое...

«А ведь пора приниматься за статью, а то горьком литера-

торов выкинет меня из своего подвала. Ох, уж эти гонорары и внештатная работа в журналах и газетах». Однако присела за письменный стол, даже не веря ушам, что до сих пор тихо, полистала заметки и черновики, подумала: в сущности, материнство – настоящая домашняя тюрьма. Муж приезжает с работы поздно вечером усталый и злой, у нас даже машины нет, трясётся на двух автобусах, потом толпа в метро. Тут уже не до любви и разговоров на отвлечённые темы: поели и спать. С сыном некогда поговорить, поиграть: то ужин, то стирка, то уборка – какое уж тут воспитание! Хорошо, хоть старший сын любит играть с маленьким братом – возьмётся на ковре как щенки, бутузят друг друга, а Ирине маленькая передышка – откроет книгу и прочтёт две страницы, вот тебе и интеллектуальная жизнь.

И всё-таки долгий одинокий день не пугает Ирину, она привыкла к одиночеству ещё в первой юности, когда с большим трудом избавилась от гордого несчастного честолюбца артиста-мужа. Тогда её спасал старенький рояль «Шрёдер», подарок старушек-бесстужевок, что подружились с ней в музее А. С. Пушкина, где Ирина работала лаборантом, а делала работу двух научных сотрудников за 62 рубля 50 копеек. Как она жила на эту зарплату с маленьким сыном, она уже и не помнит, но жила и сохранила молодую резвость из-за правильного питания: фрукты, орехи, соки...

«Вот бы успеть кофейку попить спокойно, без капризов ребёнка», – подумала Ирина и быстро наполнила маленькую

джаззу мелкомолотым кофе «Арабика», который всегда покупала только в Елисеевском магазине на улице Горького. Она успела, даже открыла томик стихов Рильке, что недавно привёз муж из командировки, и смаковала кофе глоток за глотком, и слова, что переносили её в далекое время, давали ощущение другой жизни. Пять минут тишины показались блаженной вечностью, и, как будто выдержав хорошую паузу в спектакле, сын позвал спокойно и весело: «Мама! Я не сплю!»

«Господи, не утро, а праздник», – подумала Ирина и принялась нежно тормошить сына. Вот ведь и не только заботы, но и радость – видеть такое прелестное маленькое существо, что-то вроде первобытной радости бытия – ведь и в пещере, наверно, самка умилялась своему детёнышу.

Ирина держала сына на коленях и кормила с ложки. Он требовал сказку, а слова никак не складывались, приходилось задумываться и подолгу твердить про лягушку, которая куда-то скачет.

«Такое счастливое тихое утро», – снова подумала Ирина, но почему-то сжалось сердце и подступили слёзы. Мозг требовал работы, душа требовала впечатлений, тело устало от бесконечной монотонной домашней работы без начала и конца. Конечно, у этих дел был результат – её семья, два сына, но жизнь как будто обрубила её со всех сторон, и она чувствовала себя искорёженной калекой без рук и ног, что без конца пытается преодолеть какую-то свою малень-

кую вершинку, но откатывается назад как Сизиф со своим камнем. Наконец сын, довольный завтраком, сполз с колен и, почувствовав освобождение от материнских рук, убежал в свою комнату к игрушкам. Как ни старалась Ирина продлить состояние лёгкой бодрости, навалилась тоска. Заглянула в холодильник – вот и занятие, надо идти в магазин. Долго одевала сына, сама оделась за минуту. Старые джинсы, пальто, огромная матерчатая торба через плечо. «Выхожу на улицу, будто старьёвщик», – подумала Ирина и поняла, что уже давно не заботится о том, как выглядит, и уж тем более – не испытывает ни малейшего желания кому-нибудь понравиться.

В стеклянном аквариуме магазина привычно снуют люди. Ирина обошла все очереди, не стояла ни в одной, ловко и быстро набрала в металлическую корзинку то, к чему никто не рвался, но и от этого сумка наполнилась доверху. Привычным жестом закинула лямку на плечи и прикинула про себя – килограммов 7—8.

Выйдя из магазина, Ирина никак не могла справиться с сыном, он вырывался, кричал, требовал свободы и норовил выбежать на проезжую часть под колёса машин. Кругом шла стройка, не было ни асфальтированных дорожек, ни скверов. Ирина пыталась объяснить сыну, что сначала надо донести продукты домой, а уж потом налегке идти на прогулку. Ей пришлось присесть на корточки, чтобы быть ближе к лицу ребёнка, она обхватила его двумя руками и, показав на про-

носившиеся машины, долго объясняла, как надо их бояться. Но сама вдруг подумала, что это самый лёгкий способ покончить с тоской, избавиться от забот и от сумки, которая оттянула плечо...

* * *

Серёжа нёсся налегке за новой порцией кирпича, но спешил он вовсе не на склад, он мечтал до перерыва заскочить в магазин, купить пива и полежать на травке на весеннем солнышке. Крутой подъём раздражал его. На расстоянии ста метров маячила фигура женщины с ребёнком за руку и огромной сумкой на плече. Он словно нёсся на эту спину, и злорадная мысль пришла ему в голову: вот так и его Инга где-нибудь шагает с ребёнком, тащит домой продукты и варит обед... В этот миг он ненавидел всех женщин и ему хотелось что-то сделать со своей злобой, будто это могло избавить его от муки просыпаться и засыпать с именем Инга, посылая ей всевозможные проклятия. Ненависть нарастала в нём как волна, он уже не помнил себя, жал на газ изо всех сил, и думал лишь напугать сумасшедшую мать, которая шла по краю шоссе, не думая об опасности.

Ирина вовсе не испугалась грохота несущегося сзади грузовика, она что-то отвечала сыну, доверчиво полагаясь на водительский глаз, она даже не оглянулась, когда почув-

стновала удар в спину, и, теряя равновесие, падая вперёд на прямых ногах, она лишь успела с силой оттолкнуть от себя сына подальше от дороги. Он шарахнулся от падающей матери, застыл с открытым от ужаса ртом и видел, как брызнуло молоко из сумки и полилось на пальто и на землю, но он ещё не знал, с какой радостью и облегчением приняла эту боль его мать, что уткнулась носом в молодую, едва пробившуюся в глине траву.

Москва, 1988 г.

Сонатная форма

Завтрак подходил к концу, а был он очень полезный: овсяная каша и творог с медом. И так каждый день без всякого разнообразия, но цель была заманчива: оставаться молодой как можно дольше, и как говорится, не терять форму не только лица и тела, но и форму и содержание мысли.

К сожалению, большинство женщин даже представить себе не могут, какую великую роль в их жизни может сыграть Мысль. Большинству из них на каждый день, вполне хватает бытовых мыслей: – Сходить в магазин, приготовить обед, привести себя в порядок к приходу мужа или любовника, позвонить подружкам. Но однажды, когда случится что-то из ряда вон, ох, как важно в этот момент не орать, не падать в обморок, а подумать, что ответить незнакомому человеку или собственному мужу? Как нужно реагировать на событие, которое может изменить твою жизнь самым невероятным образом – кардинально...

А случай был такой. Жила благополучная семья в одном отдаленном районе г. Москвы. Всё вроде бы было у супругов в достатке: двое детей, большая собака и даже египетская кошка. Муж уезжал на работу в восемь час, утра, а возвращался поздно вечером. Дорога на работу была долгой: приходилось ехать в метро, затем дважды делать пересадку – а всё потому, научный институт в центре Москвы больше

не желал видеть строптивного ученого, который так и норovil сделать научное открытие. Жена ученого – журналистка, была занята 2х-летним сыном, который часто болел, а найти место в какой-нибудь газете или журнале в Москве было не реально.

В настоящий момент Женя тянула лямку домашней работы в новой квартире на краю Москвы, с окнами на поле, которое обрамлял вполне солидный кусок леса, куда она отправлялась с коляской и сыном в ней, а в другой руке держала поводок с большой доброй овчаркой. Отпустить её на свободу было нельзя, потому что она пугала детей и даже взрослых своим видом, хотя на самом деле, была настолько безобидна, что позволяла египетской кошке прыгать к ней на спину и кататься на ней без зазрения совести...

Поначалу, жизнь в новой квартире казалась раем, ведь раньше они ютились в одной комнате в общей квартире, но в самом центре Москвы. Но при этом – было ужасное обстоятельство – ни в центре, ни на окраине Москвы в их жилище не было телефона. Может ли современный человек представить себе такую ситуацию? О мобильниках в те далекие времена никто даже не мог и мечтать! А теперь представьте себе, что это значит – 12 часов в день заниматься кормлением, гулянием, уборкой и готовкой. Поход в магазин отнимал два часа – дорога к единственному супермаркету была далеко не идеальна, нужно было пробираться по буеракам с коляской.

Женя всё-таки старалась не забывать о своей профессии, и два часа дневного сна младшего сына, она пыталась печатать на машинке свои первые рассказы из школьной жизни. Но и здесь, были проблемы. Как только ребенок засыпал, кто-нибудь из соседей звонил в дверь, собака начинала лаять, а сынок моментально просыпался. После этого заставить его спать было абсолютно невозможно, впрочем, так же как невозможно было выгнать соседку, которая тоже изнемогла от одиночества, но совершенно не понимала, почему Женя куда-то спешит. Все эти обстоятельства отнюдь не прибавляли радости молодой мамаше, поскольку она привыкла быть в театре и на концертах, по крайней мере, пять вечеров в неделю, а новый образ жизни в замкнутом пространстве провоцировал депрессию.

Однажды, муж пришел домой немного раньше обычного, Женя в это время сидела на кухне в халате и пыталась читать, но её мысли были далеко, она просто тихо плакала о своей «загубленной жизни». Муж был солидный мужчина, очень привлекательный, и решал маленькие и большие научные задачи, у него в подчинении было много научных сотрудников. В принципе он был доволен своей работой. Вид плачущей жены его несколько удивил:

– Что случилось, почему ты плачешь?

Ответить на такой вопрос было не так-то легко: никто не голодал, дети были здоровы, квартира была большая, зарплата тоже. Муж не был алкоголиком, не бегал за чужими

юбками. Женя пыталась сформулировать причину её слёз, но супруг не выдержал паузы и сказал; – Дорогая, в чём дело? Ты не работаешь, сидишь дома. У нас прекрасные дети, квартира, о которой можно только мечтать, у тебя есть муж, который тебя любит и обеспечивает, чего тебе не хватает? Женька всё еще мучительно искала слова... А её прекрасный муж вдруг встал в позу и заявил уже жестким голосом оратора на партийном собрании: – И вообще, кто ты такая, чтобы здесь рыдать о своей загубленной жизни? (Он был не только ученый, но и телепат, – подумала Женя). Монолог продолжался: – Вот я, ученый с мировым именем, доктор наук, а ты, кто такая? Ты даже кандидатскую поленилась защитить на своём философском никому не нужном факультете?!

Великий муж был обижен, он был уверен в том, что любая женщина должна была трепетать при одной мысли, что этот мужчина её муж, а она, неблагодарная, посмела плакать в его присутствии?

Тут Женька, наконец, поняла, что объяснять «великому ученому» что-либо абсолютно безнадежно, они в данный момент находились на разных полюсах: он был успешным и напоминал гордого индюка, а она выглядела обыкновенной курицей, утомленной своими цыплятами...

Вот тут-то ей и пригодилось философское образование и режиссерские курсы. Она не сказала мужу ни слова, а пошла в ванную, сполоснула лицо холодной водой и решила, что без театра в семье не обойтись. Она вышла на кухню

с ослепительной улыбкой.

– Да, дорогой, ты совершенно прав – для слёз нет никаких оснований. Просто я вспомнила свою маму, ведь я давно не навещала колумбарий моих родителей рядом с Донским монастырем.

После этих слов, Женька накормила своего великого мужа ужином, а сама в это время, продумывала свой завтрашний день, причем, совершенно молча...

* * *

– Как полезно узнать, что думает о тебе твой великий муж – для него домашняя работа без перерыва на обед называется «ты сидишь дома», в это время ты тратишь столько нервной энергии, что от неё могли бы загореться гирлянды лампочек целого дома, – рассуждала сама с собой Женя поздно вечером, когда дети и муж крепко спали.

У неё было такое чувство, будто она превратилась, незаметно для себя, в заводную игрушку, механически выполняющая бесконечные дела и делишки, как машина-робот, а потом вдруг очнулась – да это же я, это моя жизнь, как я могла мириться с таким «принудительным режимом?» – вспомнила она термин из статьи современного психолога. Кому нужно такое глупое терпение, чтобы постепенно сходить с ума в этой домашней тюрьме? Во что превратилась её любовь? Итак, она вспомнила, что умеет думать, и это незаметное

действие происходило тихо и сосредоточенно. Завтра она пойдет к соседке Вале, у неё сын такого же возраста, как и их сын Петр, и договориться о том, чтобы Валя стала няней для её ребенка. А ей надо срочно найти место корреспондента или учителя. Кстати, один общий друг говорил о работе лит. сотрудника в пресс-центре Минздрава. Кроме того, надо купить абонемент на концерты в Дом художника – там хорошая программа классической музыки.

У Женьки было ощущение, что ей дали хорошего пинка под зад! И у неё заработала голова. Парадоксы на каждом шагу.

– Да, такой «пинок» дорого стоит, – сказала она себе, и как будто очнулась. Как важно вспомнить, кто ты такая?

* * *

Соседка Валя была счастлива получить неожиданный заработок, и сразу согласилась быть няней для двухлетнего Петруши, а Женя, не откладывая, отправилась по адресу, который она быстро разыскала в ящике своего письменного стола. Её решимость и напор открывали все двери. Правда, зарплата в пресс-центре была на 20 рублей больше, чем та, которую будет получать няня Валя, но главное, она вырвется из дома. Увидит людей, будет писать статьи, попадёт в ритм другой жизни...

* * *

После разговора с мужем на кухне прошло лет пять, Женя, наконец, издала свою первую книгу о семье, и на презентации, где её муж ходил гордый между гостями, среди которых было много его коллег по науке, он откровенно радовался, что его жена, наконец, стала автором. Женька подошла к нему и сказала, а помнишь, ты пришел домой и застал меня на кухне в слезах, и спросил тогда, а кто ты такая? Я тебе очень благодарна за этот вопрос. Ты меня просто спас! Иначе, я бы так и осталась кухонной закомплексованной клячей! Муж смотрел на неё удивленно, он даже представить себе не мог, что был способен на такие вопросы к своей талантливой жене?

* * *

С тех пор прошло еще лет десять. И Женька решила написать трактат во славу Мысли. Её до глубины души возмущало, что большинство женщин, мужчин реже, не придают Мысли никакого значения. Мысль бродила среди людей, как брошенная жена, которая очень часто спасала своего мужа, но он этого не замечал. Эта выброшенная из их побуждений Мысль, совершенно не интересовала дамочек любого возраста, если она не была связана с чем-то вполне осязаемым и вещественным. Грубая и тонкая Материя во всех видах привлекала их. А что такое Мысль? Зачем она? Какая

конкретная польза может в ней заключаться?

Но наступал момент, когда женщин бросали мужья или любовники, причем неожиданно и бесцеремонно, не сказав на прощание ни слова, не объяснив ничего. Как будто внезапно произошло землетрясение, и Дом Любви разрушился до основания, в пыль...

– Почему нас покинули? – вопили они вслух и молча, еще совсем не старые женщины. Сами ответить на этот вопрос они не могли, потому что пренебрегали самым главным, что составляет ценность любого человека и даже женщины – его или её Мысли. Ведь именно от того, как тот или иной индивид мыслит – на самом деле зависит его жизнь. Если мужчина мыслит, а женщина только думает, что и где купить, мужу или любовнику это быстро надоедает. Становится скучно, и он идет играть в бильярд, потому что с мужчинами ему как-то приятнее обмениваться своими мыслями.

Конечно, женщины об этом просто не догадываются, потому что у них всё начинается и заканчивается на уровне побуждений: купить сумку, ездить на красивой машине, поехать на Канары... Всё остальное их не очень беспокоит.

А мужчинам, конечно, не всем, иногда удается перейти от неосознанных побуждений, к Мыслям, и в этот трагический момент они и расходятся со своими довольно милыми женами...

Если женщине удастся совершить поступок, которому предшествовала Мысль, то она начинает чувствовать себя

высшим существом, и становится творцом своей жизни.

Говорят, что среди множества генов, есть ген ума. Но откуда он берется, пока еще не знают, да и практика показала, что большинство людей так за всю жизнь и не научились этим геном пользоваться.

Сколько умных людей, буквально страдали и гибли под колесами истории именно из-за своего ума. Великий Александр Грибоедов об этом написал в своей вечной комедии. Наверно, ему просто не повезло, он встретил женщину, без гена ума, и она выбрала Молчалина... Да это и понятно: женщинам слишком много надо успеть за свою жизнь: влюбиться, бросить все серьезные занятия, боготворить своего любимого мужа, нарожать детей и принадлежать только им, поэтому ген ума пока все больше попадает к мужчинам. Разве что-то может зародиться в недрах Материи просто так, это вам не появление какой-нибудь козы или таракана, нужны всё-таки какие-то особенные условия...

Например, чистая и теплая пещера, убранная заботливой *первой* самкой Питекантропа, с разнообразной пищей, которая приготовлена на ровном огне, который тоже поддерживает в соседнем отсеке пещеры *вторая* самка того же Питекантропа. А в третьем отсеке сидят хорошо воспитанные Питекантро-пята, которых воспитывает уже *четвертая* самка того же Питекантропа.

Вот, когда Питекантропша будет иметь такие условия, как Питекантроп, тогда, возможно и произойдет скачок эволю-

ции и ген ума появится у Самки, у которой будет много Питекантропов, но меньше забот.

Вы, конечно, можете возразить, что таких самок сколько угодно, у которых полно Питекантропов, но нет никаких детей и гениальности тоже нет. Но уверяю вас, что таких самок все-таки немного, это своего рода *выродки* из женского стада – большинство самок влюбляются и забывают обо всем ради любимого Питекантропа или даже ради детей Пирекантропа, и на этой почве никакие гены ума появиться и вырасти не могут!

Человеческая самка многие века и даже тысячелетия влачила довольно скверное существование, но мужчине в те далекие времена тоже было не сладко, ведь он воевал чуть ли не всю свою жизнь. А рыцарские турниры – это же просто убой мужского населения. А в жизни подобное тянется к подобному, а не наоборот, как уверяют нас доморощенные остряки о том, что противоположности сходятся, но никак не могут понять, почему? Обдумывая всё это, Женя приступила к бутерброду с сыром и поняла, что вольно или невольно живет по законам «Сонатной формы», но в темпе вальса. Особенно ей нравилась трёхчастная форма – первая тема, затем вторая, затем первая тема в разработанном виде становится завершением симфонии...

Даже любовные игры с собственным мужем были подчинены великому закону сонатной формы: например, сладостное соединение в утренней постеле, затем легкий завтрак,

и повторение любовной атаки.

Муж вынужден был восстанавливать силы во время позд-неутреннего сна, а Женя надевала крассовки и совершала пробежку в парке. Секс не изнурял её, ибо был для неё скорее гимнастикой, а не страстью. Иногда во время соития, ей удавалось обдумать тему будущей статьи для своего собственного журнала, но изредка она позволяла себе просто расслабиться под звуки Генделя или Грига, в то время, когда муж изо всех сил старался вывести её из равновесия и почему-то мечтал услышать, как она стонет в сладкой истоме...

После «правильного» завершения акта приходила легкая головная боль, которая лишала её привычной бодрости и никак не компенсировала ощущения в центральной части женькиного тела, которую она никогда не считала главной.

На свете действительно существовало множество занятий, которые доставляли Женьке куда больше удовольствий, чем секс, например афоризмы великих философов прошлого и настоящего, а иногда и её собственные Мысли, которые, возможно, будут читать мужчины и женщины в её блоге, ведь бумажные книги уже давно никому не нужны...

Последняя редакция май 2020г, Вена

Собаки жизни и смерти

Наступила весна, и утренние прогулки с моим золотым псом стали не только необходимостью, но и удовольствием. По заведенной привычке, подбираю сухие палки, что сбрасывает дерево под порывом ветра и наблюдаю за тем, что вытворяет мой пес. Бишка, совершив необходимые физиологические отправления и нанюхавшись вдоволь чужого собачьего дерьма, будто прочитал ежедневные новости в местной газете, он принимается неистово прыгать. И это при том, что я опять забыла взять лакомую приманку – кусочки сыра или колбаски, он прыгает без всякой награды просто так, как будто готовится к чемпионату мира или к выступлению в цирке...

Если я не нахожу для него палки, то он возмущенно вьется около меня, хватая за штанину, заглядывает в глаза и начинает лаять, и в этом вопле звучит возмущение и конкретные просьбы: «Где палки? Почему не даешь мне прыгать?»

Мне приходится десятки раз наклоняться за очередным сучком или корягой, но я наблюдаю за своим псом с восторгом и гордостью, вот ведь смешное создание, приговорен без слов прожить свою жизнь, но что-то неведомое заставляет его делать нечто сверх программы: не только есть, спать и гадить, а воспарять хоть ненадолго в минуты неистовой радости движения, устремляться ввысь. Зачем? Почему? Потому

что Природа стремиться к развитию, от простого к сложному... Вот только почему-то в современном мире к развитию стремятся скорее собаки, а не люди...

За Бишкой я наблюдаю постоянно, и не устаю удивляться, как внимательно он следит за окружающей природой: к птицам он пристрастен, останавливается как вкопанный, смотрит на ворону, замирает с поднятым хвостом, что есть признак большой настороженности или агрессии, ворона взирает на него насмешливо и нагло, перелетая с одного карниза на другой, садится на край крыши и как будто кивает головой вместе с клювом, коротко каркает, как будто хочет сказать: – Смотри, сколько хочешь, все равно не достать!

Мой пёс вопросительно смотрит на меня, он как бы спрашивает:

– Почему я не летаю? Почему не могу догнать эту наглую птицу?

– Биша, ты хороший мальчик, но ты собака, у тебя своя жизнь, а у вороны своя. Оставь её в покое, ей живется труднее, чем тебе, ведь её никто не кормит. Она роется в мусорных ящиках и достает, что придется, а ты получаешь классную еду.

Ворона с достоинством взирает на моего пса, сидя на столбе, а он искренне возмущен. «Почему я не могу допрыгнуть до тебя, черная птица? Кто ты такая, почему взмахиваешь чем-то и паришь над почвой, по которой я могу только бегать или прыгать?» Этот монолог ясно прочитывается в его

задумчивом и напряженном взгляде.

* * *

Почему всю мою жизнь с небольшими перерывами мне сопутствуют собаки? Воистину по сибирской поговорке: «Сами кобели и собак завели». Чего не хватало нашей семье, когда мама согласилась взять черно-белого спаниэля, с которым с пробегала по улицам Москвы всю мою юность? А как я однажды спасала его от разъяренного боксера, который несся за моим Джонечкой по нашему двору. Ни минуты не задумываясь, я схватила боксера за обрубок хвоста, к счастью, хозяин вовремя успел подбежать и взять его за ошейник. Почему собачники всего мира не дали мне тогда медаль за отвагу?

Наверно, все дело в избытке энергии и еще желание прогулки, которую так просто ничем не объяснишь. А прогулка для городского жителя – великая вещь!

* * *

И вот теперь я вспоминаю собак моей жизни, их было не много, но все они определяли какой-то очень важный этап. Вот, например, тот пес, которого привез мой муж из Сибири, которую он покинул вместе с академической карьерой, с семьей, уже взрослыми детьми, огромной толпой друзей и коллег и, весь этот ком противоречий и жизненных

коллизий упал на наши плечи.

Мы начинали нашу общую жизнь практически с нуля, но собака-овчарка уже была с нами в одной комнате с роялем, в квартире, где мы делили плиту, туалет и ванную комнату еще с тремя семьями?! И это после 5-ти комнатной квартиры с белым роялем в Новосибирске! Для моего будущего мужа это было потрясением. После жаркого лета, которое мы провели вместе с моим сыном и моими друзьями в уютном поселке под Москвой, моя комната показалась моему возлюбленному просто тюремной камерой.

Я видела, что он в шоке, он просто не представлял, как можно вот так жить, выходить на кухню, где на тебя взирают две злобные любопытные тетки, лишь молодая Люба с мужем и с маленькой дочкой, были добры и отзывчивы, а две других соседки меня жутко ревновали к моей новой жизни. Как я посмела выйти замуж и стать счастливой? Что это ей так подвезло? С какой стати? Ведь раньше я развлекала моих соседей, то анекдот расскажу, то вкусеньким угощу... А теперь мне не до них, у меня муж, да еще какой симпатичный, солидный мужчина и окладистой бородой, всегда энергичный и веселый.

К счастью нашу собаку-овчарку мои соседи почему-то полюбили. Всегда старались подкормить и подбрасывали на мой кухонный стол остатки пирожка или котлетки... Сейчас, когда я вспоминаю наши первые месяцы совместного жития в Москве, я сама удивляюсь, как мы быстро освоились

в нашем 20-ти метровом райке в Столешниковом переулке без телефона.

Гуляли вечерам с собакой по бульварам, ездили на электричке в подмосковный лес в любую погоду, устраивали пиршества у нашей подруге Эльке, приносили с собой еду и выпивку и отдыхали в её роскошной 2х комнатной квартире от наших злобеньких соседок... Вообще старались как можно чаще покидать нашу общагу...

Но все это стало возможно после одного довольно мистического эпизода в нашей совместной жизни. В тот момент, когда мой знаменитый и успешный муж переживал шок – попав из своего сибирского рая в московскую трущёбу, моя давняя подруга Ляля, художница и соратница по дальним поездкам по России, предложила мне путевку в Архангельск.

Денег не было, одна зарплата завлаба, с которой приехал из Сибири мой горячо любимый муж, была прожита за два летних месяца на даче, моя зарплата в Доме самодеятельности была так мала, что мы обходились самым необходимым, отчасти спасал урок музыки, который я давала семилетней девочке, эти 20 рублей в месяц. Мы могли пару раз сходить в кино и изредка покупали бутылку Гурджуани или Рислинг в ближайшем магазине...

Моего знаменитого мужа никто не брал на работу, поскольку мы не могли зарегистрировать наш брак, а бывшая жена не давала развода, а лишь присылала справки о долгах,

устанавливала нам экономическую блокаду, ведь она не представляла себе, что в Москве её муж встретил идеалистку и будущего музыкального редактора, которая перевернет жизнь её успешного мужа и сделает его автором 200 романсов, вальсов и полек, и даже одной оратории на слова Экклезиаста, которые будут играть в Вене во дворцах оркестры и солисты со всего мира... Однако, долги нам еще предстояло выплачивать ближайшие пять лет...

Итак, моя интуиция говорила – ты должна ехать с Лялей во что бы то ни стало, иначе не видать тебе счастья с твоим сибирским мужем... Однако, просить деньги в долг у подруг и знакомых мне как-то очень не хотелось, и вот в этом напряженном состоянии, а достать-то надо было всего каких-то 60 рублей: дорога на поезде 30 рублей и дешевая путевка от Общества «Знание», в котором подрабатывала Ляля в качестве лектора еще тридцать...

Мы встретились с Лялей и пошли нашим любимым маршрутом – бульварами от площади Пушкина к Никитским воротам, и дальше по Суворовскому бульвару в Дом журналистов... Все это время в моей голове напряженно билась мысль, где достать деньги на поездку, кому позвонить, кого попросить или пусть эти деньги свалятся с неба... Буквально так я и подумала и с этой смешной мыслью мы почти уже дошли до Дома журналистов, куда нас не пустили, поскольку я забыла членский билет...

Но, к счастью, в ста метрах от домжура нам попалась сим-

патичная забегаловка. У меня в кармане был рубль, а в то время (в конце семидесятых 20-го века) за эти 100 копеек можно было выпить кофе и съесть пару сосисок да еще и с горошком... Поскольку Ляля была моя старшая подруга, я посадила её за столик, а сама встала в небольшую очередь. Поскольку глаз у меня всегда был меткий, уже подходя к стойке, я обратила внимание на странный маленький бумажный сверток, прямо под моими ногами. Я не стала сразу бросаться за ним, а незаметно придвинула к своей ноге. Затем уронила платок и профессионально вместе с платком засунула бумажный комок в карман куртки. Сердце мое билось гулко и сильно, я поняла, что бумажный комок – это деньги.

Кто-то их так плотно скрутил, что было совершенно не понятно, что это и сколько их. Я заставила себя успокоиться, дождалась своей очереди, взяла сосиски и кофе, принесла все это за наш столик, где сидела Ляля, и сказала ей, что мне надо позвонить (в те времена горожане пользовались телефонами-автоматами за 15 копеек, а позже появились и специальные жетоны). Только зайдя в кабину телефона-автомата, я вынула сверточек из кармана и развернула плотно сложенные купюры – в моих руках было ровно 60 рублей! Вот и случилось чудо – кто-то мне послал именно ту сумму, которая мне была нужна для счастья.

Поездка в Архангельск состоялась. Мы с Лялей целых две недели любовались закатами и восходами на маленьком острове в Северном море, однажды даже попали в шторм на ма-

ленькой моторной лодке, когда нам надо было возвращаться в Архангельск. Нам было привычно путешествовать вместе, потому что Ляля и я прекрасно понимали друг друга, она была мне близка по духу: так же непрактична и доверчива к людям, любила литературу, а я любила живопись, и мы как бы обменивались нашими талантами. Когда Ляля отправлялась на этюды, я сопровождала её, помогала нести папку и стульчик, а сама усаживалась неподалеку и записывала свои маленькие истории, которые потом никто не печатал, но в будущем, мои рассказы и очерки помогут мне попасть на литературный семинар молодых писателей.

* * *

Когда я вернулась из поездки, мой муж встретил меня с такой радостью и смотрел на меня какими-то новыми глазами. – Знаешь, я только сейчас понял, что ты удивительная женщина – жить в таких условиях и быть счастливой, веселой, талантливой – для этого надо быть особенным человеком, – сказал он мне торжественно. – Я тобой просто восхищаюсь...

Итак, моя поездка открыла моему любимому глаза. Да, надо было принимать ситуацию такой, какова она есть. Ждать развода, узаконить наши отношения, прописаться в столице, и только тогда можно было получить работу. Избавление от семейного имущества произошло очень быстро, мой

возлюбленный, ни минуты не задумываясь, отправил в свой родной город расписки и доверенности на квартиру, машину и дом на берегу Обского моря. Мы были щедры и непрактичны, и не подозревали о том, что такая нерасчетливая щедрость сделает несчастным и обездоленным сына Мишу от первого брака, которому не достанется ни квартира, ни рояль, ни прекрасный дом на берегу Обского моря... Все унесет с собой в пропасть неуправляемая злоба бывшей жены, которая за два года разлуки, не сумела представить себе жизнь без человека, с которым она прожила более 20-ти лет, но никогда толком не понимала ни его талантов, ни его пристрастий. Её ограниченное сознание во всём винило молодую «проходимку», которая заманила её мужа в Москву.

Получив горькое наследство от сбежавшего мужа, она останется одна, без детей, которых вытолкнет как можно дальше от себя, ибо никогда не любила их, ведь вырастила их практически её мать, замечательная бабка Анна, которая прожила на свете более 90 лет, и была любима внуками до последнего часа.

А мы в это время, влюбленная парочка, бегали с нашим псом по бульварам, и только начинали понимать, в какой ад и рай нам предстоит войти, создав новую семью с моим малым ребенком от первого неудачного брака.

* * *

Прошло тридцать три года. Более 30 лет мы были счастливы так, как будто встретились вчера: никакие невзгоды, зависть друзей и врагов, мелкие и большие неурядицы материального характера, не могли нарушить наш гармоничный союз.

Еще на своём 75-летнем юбилее, мой муж был молод душой и полон неиссякаемой энергией. Но, когда был поставлен диагноз – рак, это было началом мучительной эпопеи лечения, надежд и, к сожалению, врачебных ошибок.

Этот золотистый пес, был взят из приюта для брошенных животных, по просьбе моего тяжело больного мужа, ему оставалось жить еще три месяца. Мы прожили вместе тридцать три года, и никто из нас никогда не пожалел об этом, потому что наш сумасшедший роман привел нас к союзу не только телесному, но и духовному. При этом, мы выстроили свой бытовой рай, и продолжали творить свои жизни, вместе и параллельно в силу наших индивидуальных талантов. Я открывала таланты мужа, а он гордился любыми проявлениями моих фантазий и умений, всем тем, в чём проявляла себя моя творческая индивидуальность.

Тогда мне казалось, что я спасаю мужа, а на самом деле оказалось, что его просьба взять собаку, спасала меня от инфаркта или инсульта. Несколько лет я находилась в постоянном стрессе – заботе о его здоровье. Последние полтора года были самыми тяжелыми – после химии-терапии, которую нам навязали врачи, мой муж не мог ходить.

Инвалидная коляска была нашим постоянным спутником. Даже короткие выбегания на улицу с собакой, давали моему организму короткую передышку, чтобы вздохнуть воздух и отвлечься, хоть на десять минут от тяжелых мыслей...

Мужа не стало, а пес продолжает меня спасать от ужаса быть одной, ничего не хотеть, и от того, что прошлая жизнь кончена навсегда, а сегодняшняя никак не хочет начаться.

Вена 2020

Еще раз о телепатии

– Я вам точно говорю – телепатии нет! Как люди могут в нее верить?

– *Телепатии* нет и быть не может! Сообщаю совершенно серьезно: на нашей планете в начале 21 века *телепатии*, к счастью, нет! Просто не понимаю, откуда берутся домыслы, слухи и даже научные эксперименты?

Представьте себе, что блуждающая *Мысль* несется в безвоздушном космическом пространстве и вдруг ее заносит в атмосферу Земли. Мысль проникает в головы мужчин и женщин как дождь за воротник...

А что потом? Куда девается Мысль?

Может быть, если мы что-то забываем – это Мысль, попросту, бежит из одной головы в другую?

А вдруг кто-то крадет нашу Мысль?

Но тогда ни один человек на свете не смог бы удержать одну-единственную Мысль за всю свою жизнь?

А мы, даже самые простые граждане, всё же имеем пусть маленькую, пусть домашнюю, а не космическую «мыслюшечку» и совершенно не хотим отпускать ее в постороннюю голову...

Однако чудо иногда все-таки происходит – Мысль появляется в голове среднего гражданина совершенно стихийно, а некоторые даже не замечают её присутствия...

Иногда навязчивая Мысль отвлекает делового человека от настоящего бизнеса или уводит от другой выгодной профессии красивыми, но бесполезными идеями. А чудачки вроде Диогена отдают своё имущество первому встречному и всю свою жизнь живут в бочке или в коммунальной комнате за шкафом и *мыслят, мыслят* и очень даже довольны своей судьбой...

Но поговорим о людях нормальных, о тех, кто живет в роскошном загородном доме, ездит на престижной машине, плавает в собственном бассейне, а иногда даже играет на роскошном рояле. Уверяю вас, что *телепатии* нет и здесь: ни в гостиной, ни на кухне и даже в ванной с подводным массажем. И это прекрасно! Потому что очень часто дети богатых родителей думают только об одном – когда «старики», наконец, помрут. Самые нетерпеливые родственники «помогают» обрести вечный покой женам, мужьям или дедушкам... А отсутствие *телепатии* позволяет будущей жертве не подозревать о коварных замыслах...

И мужья и жены, дедушки и бабушки погибают внезапно с улыбкой на устах...

Телепатии нет и слава Богу!

Разве нормальные люди могли бы смотреть в глаза друг другу? Ведь за минуту до того, как вы открываете дверь своему родственнику из Польши, Венгрии или России, вы про него столько думаете, что если бы до него долетела хоть одна ваша *Мысль*, он никогда бы не переступил порога вашего

дома.

А так всё идет по сценарию – гости входят, вы улыбаетесь, спрашиваете о погоде на Родине, о ценах на продукты, и даже на некоторое время забываете свои злые нехорошие Мысли и начинаете думать про гостей вполне пристойно: пусть приезжают, пусть живут месяц и два с женой, детьми, тещей, пусть остаются навсегда, пусть...

Да я счастлив, что *телепатии* нет. Это спасение, когда никто не знает, о чем ты думаешь! Сидишь на правлении своей фирмы и вспоминаешь, что твоя любовница вчера показала тебе на дверь, потому что за полгода страстной любви ты ни разу не принес ей букетик цветов, не говоря уже о конфетах или борзых щенках... Ведь ты надеялся на духовное родство, а тут сплошной меркантилизм!

Хорошо хоть жена 20 лет ничего не требует, живет себе и всё, а с кем и как никого не интересуется... Пока ты напряженно думаешь о женщинах, обсуждается договор на обувь с Россией. Цена товара так и крутится у тебя в голове, но ты молчишь как рыба, из которой только что вынули кости. Поставщик волнуется и называет такую цену, что ты чуть не падаешь со стула от радости и незаметно подсчитываешь прибыль на калькуляторе...

Где же *телепатия*?

А что было бы с семьёй? Молодые и не очень молодые люди никогда бы не женились! Правда, бывает, что жених и невеста неплохо думают друг о друге перед свадьбой,

но что о них думают друзья или родственники?

Будущему супругу вовсе не нужно знать, что думает в его невесте её бывший любовник. А невеста, нежно обнимая симпатичную подругу жениха, не должна знать о том, что две недели назад, они вместе отдыхали на Канарах...

Великий русский поэт Тютчев сказал: «Молчи, скрывайся и таи и мысли и мечты свои!» Да, поэт понимал толк в *телепатии*, он знал, что «мысль изреченная есть ложь», он это чувствовал и признавал.

В начале 21 века молчание спасает того, кто подумал и того, о ком подумали...

А дипломаты! Накануне войны расточают улыбки и любезности, они точно знают, что *телепатии* нет. Разве соблюдалась бы чудовищная внезапность при нападении одной страны на другую? Устраивая пышный прием в честь посла накануне вооруженного конфликта, Мысль могла бы проникнуть в голову хотя бы жены посла!

До сих пор, никто не знает в чем смысл таинственной женской улыбки или что означает изящная полная иронии фраза, которой можно убить наповал или напротив растопить ледяное сердце мужчины...

Но Мысль по-прежнему ускользает...

Надо признаться, что и без *телепатии* жизнь преподносит такие сюрпризы! К счастью, львиная доля несправедливых обвинений, упреков и горьких сомнений *телепатией* не передается, а лишь рождается и умирает в головах, как мужчин

так и женщин...

Конечно, очень важно *не говорить* всего того, что думаешь и *не думать* того, что говоришь!

Отсутствие телепатии иногда спасает от конфликтов, хотя столкновения, всё-таки происходят именно из-за некоторой *телепатической утечки*, которую даже я не берусь отрицать.

Однако большая часть взаимных Мыслей до населения земли всё-таки не доходит, именно это обстоятельство спасает нас от тотальной катастрофы в земном и космическом масштабе...

Итак, если бы не отсутствие *телепатии*, была бы возможна дружба или любовь? Или просто мирная жизнь? И отвечаю: «Нет! Нет! Нет!»

И вот еще что – Мысль, однажды залетевшая из космоса, облетала бы всё человечество и делала бы всех одинаково умными, но ведь этого, к счастью, не происходит!

Вена 1994

Эксперимент

Я сидела в метро и читала биографию моего любимого философа Сократа – правда, последние годы многие коллизии его жизни не казались мне такими уж привлекательными, но ещё студенткой я привыкла восхищаться чудачком и балагуром, который сам выпил чашу с Цикутой, а мог бы бежать из тюрьмы и из Греции...

Прошло много лет, и вот только сейчас я поняла, почему он отказался от услуг своих любимых учеников – удирать к дикарям ему, прямо скажем, не хотелось, а в Греции демократы дошли до того, что голосовали не за тех, кого надо. Да и кто знает, за кого нужно голосовать? Умные и талантливые люди к власти, увы, совершенно не стремятся, а те, кто добивается успеха, им на счастье простого смертного глубоко плевать.

– Милая дама, можно вас на один важный разговор, – сказал мне человек в какой-то немислимой куртке и мягко, но настойчиво взял меня под локоть и подтолкнул к выходу на платформу.

– Что случилось? – спросила я ровным голосом, поскольку никого не убивала, а в сумке, кроме книг и статей, у меня ничего не было, а проездной билет был куплен в понедельник, на этой неделе роль зайца мне не грозила.

– Не волнуйтесь, – продолжал незнакомец с интеллигент-

ным, но не симпатичным лицом. – Наш институт проводит эксперимент, и если вы согласитесь, то не пожалеете о том, что встретили меня...

«Наверно, этот тип проводит какой-нибудь опрос, хочет узнать, сколько кило парфюмерии я покупаю в месяц», – подумала я и язвительно добавила:

– На приглашение это мало походит. Но почему вы выбрали в толпе меня?

– Я увидел, что вы читаете книжку о Сократе, значит, интересуетесь философией, среди женщин такие экземпляры попадаются довольно редко.

– Похоже, что вы экспериментируете на крысах, для вас любой живой субъект – это «экземпляр». Не так ли?

– Ах, простите, я выразился неуклюже. Действительно, я работаю с бессловесными живыми системами, но... меня интересует только одно: располагаете ли вы временем совершить путешествие дней на 10 дней в экзотическую страну. Это путешествие не будет вам ничего стоить, но и заработать вам тоже не удастся, но зато...

– ...но зато я помолодею лет на двадцать! Вы это хотели сказать?

– А как вы догадались? – удивился мой собеседник.

– Это логично. На что может клюнуть женщина средних лет: денег у вас нет или вы их не даёте подопытным кроликам, значит, приманка должна быть ещё лучше, а что может быть важнее молодости?

– Но вы действительно помолодеете!

– ...или умрёте? Ведь вы предлагаете мне эксперимент?

– В какой-то степени – да, но на крысах и обезьянах всё проходило безукоризненно, вот только разрешения на свою методику мы до сих пор не получили. Поэтому я предлагаю вам неофициальный эксперимент в частной лаборатории нашего нового института в Тибете.

При слове «Тибет» мой полемический задор поостыл – не терплю дальние перелёты на современных летающих устройствах – и уже без всякого энтузиазма я спросила:

– Вы не могли бы арендовать островок в Средиземном море? Это было бы и дешевле, и привлекательнее для зрелых дам...

– Мы пытались, но получить разрешение в Европе нам пока не удалось... конкуренция, бюрократия и наши спонсоры...

– По-видимому, ваши спонсоры хотят быть как можно дальше от комиссий, министерств и от представителей банков... – сказала я и подумала, что, скорее всего, этот разговор – обыкновенная болтовня опасных проходимцев и надо «рвать когти», пока у тебя не вырезали твои действующие и не такие уж старые органы.

Мой спутник уловил перемену моего настроения и, вежливо извинившись за потраченное на разговор время, выдал мне визитку со словами:

– Если надумаете совершить путешествие за счёт нашего

проекта и помолодеть лет на 20, звоните до конца недели – сроки поджимают. Ведь надо ещё проверить, в каком состоянии находится ваш организм...

Здесь я вздрогнула: «Всё-таки хотят проверить, что-то очень это подозрительно», – однако я заставила себя мило улыбнуться и сказала:

– К сожалению, должна вас огорчить, я вам не подойду. У меня рак в третьей степени, органы у меня все инфицированы самой знаменитой болезнью – вы сами знаете, какой, посильнее сифилиса. Даже не знаю, сколько мне осталось жить – вот такая история... – и я бодро шагнула в подошедший вагон метро.

* * *

Но жизнь порой совершает такие кульбиты, которых не ждёшь, ведь накануне «перестройки» я даже представить себе не могла, что окажусь в центре Европы, причём не на прогулке, а на совсем.

Да, переиграть судьбу удаётся очень немногим, ведь не даром есть поговорка: «Человек предполагает, а Бог (в данном случае – Судьба) располагает...»

О разговоре, который состоялся в понедельник в метро, я вспомнила в среду потому, что именно в этот день я нашла на своём письменном столе записку от мужа, в которой он сообщал, что пора менять наш буржуазный образ жизни:

хватит двадцатилетней идиллии, он нашёл молодую и более сексуальную особу, чем я. Ему надоело домогаться близости у *фригидной* и вечно занятой чтением жены. «Ты променяла меня на книгу – именно с книгой ты всегда засыпаешь и встаёшь, поэтому (писал мой уже бывший муж) я надеюсь, что моё отсутствие ты просто не заметишь».

Во времена большой любви, а она длилась многие годы, записки друг другу мы писали почти каждый день, они были тогда вестниками неостывающей страсти, жаждой поделиться новыми впечатлениями, срифмовать что-то необычное, смешное или трагическое. Как мы радовались этим лёгким листкам! Потом я их бережно собирала и издала ещё одну книжку истории нашей Любви – именно тогда моя страсть к слову превратилась в профессию.

Ничто не вечно под луной – даже такой долгой привязанности приходит время остыть, ведь остывают когда-то прекрасные планеты! Значит, мы забыли подложить в топку священного союза одно маленькое полено...

Ах, как непросто поддерживать огонь чувств... в собственном муже! Увы, я совершенно забыла, что есть на свете вещи поважнее статей и издания новых книг.

В какой-то степени он был прав: я променяла мужа на книги, на много умных, прекрасных книг, вернее – на то, что они мне давали – состояние покоя и радости, чувство власти над временем и пространством, погружение в чьё-то сознание, наслаждение мыслью. Понимать чужую мысль,

книги, где не было мыслей, я предпочитала не читать, – это тоже немало, ведь я была не только прилежным читателем, но мне приходилось писать критические статьи на новые и старые книги.

Заполучить эту профессию было нелегко, литературные критики-мужчины долго не пускали меня в свой интеллектуальный цех, но я была прилежна, оригинальна и настойчива. К тому же обладала качествами, которые почти невозможно обнаружить в интеллектуальной женщине, – я умела ублажать главных редакторов толстых журналов не только интересной беседой, но и роскошной едой.

Именно кулинарные навыки, которые, кстати, я в большей степени позаимствовала у своего талантливого мужа, открыли мне двери многих изданий, где всё-таки, несмотря на кризисы, платили гонорар. Последние пять лет моя профессиональная жизнь была, можно сказать, безоблачна, вот я и расслабилась, забыв, что затянувшийся брак имеет свои подводные камни...

Не могу сказать, что мне было приятно осознавать, что муж ушёл от меня, но и особой трагедии я в этом не видела.

Мы прожили вместе много лет, они были насыщены разными событиями: от безумной пылкой страсти, муж ревновал меня ко всему, что двигалось или молча взирало на меня, с бурными объяснениями, сценами – долгие годы это была тирания любви, потом мы растили наших детей, и нам с трудом удавалось выкроить время для подлинной близости, ко-

гда не давит груз забот.

Порой именно семейная жизнь не даёт насладиться общением с любимым человеком, ведь в тот момент, когда ребёнок перестал капризничать и наконец заснул, ты можешь лишь успокоить нервы, сидя у компьютера или читая книгу. Разве можно себе представить эротические вечера и ночи в семейной жизни во времена социализма?! Усталость буквально валила с ног, да и тема секса была под запретом, гораздо моднее было слыть или быть *фригидной*.

Финансовые и прочие проблемы мало способствовали созданию изошрённой и обволакивающей атмосферы соблазна собственного мужа – увы, природа уходит на второй план, если ты так долго отрываешься от неё, инстинкты замолкают, если их не будоражить, – если ты не поёшь, то и не знаешь, есть у тебя голос или нет...

Все эти мысли пролетели в моей голове, когда я читала записку моего мужа, и где-то в глубине души шевельнулась одна упоительная мысль: «Свободна, я свободна! Могу делать, что хочу...»

Сколько лет я не могла позволить себе сесть и написать роман, хотя темы переполняли меня, сколько лет я мечтала о путешествиях – не было ни денег, ни времени, и вот теперь... Я ещё могу написать роман, я ещё могу путешествовать! Я схватила визитку случайного знакомого, внимательно прочитала название института и подумала: «Будь, что будет – или помолодею, или мой холодный труп без важных

органов найдут или потеряют в Гималаях... Кстати, моя печёнка им не подойдёт, а вот почки и мозг...»

* * *

С моим новым знакомым я встретила в уютном маленьком помещении, которое примыкало к Венскому Университету, мрачным прямоугольником выделялось здание анатомического театра, ведь медицинский факультет располагался совсем рядом.

Действительно, удобно – трупы привозят из больниц после несчастных случаев, в лаборатории их разделявают, и то, что ещё годится для тех, у кого не работают почки, матка или сердце, получают свежий орган.

Несчастных случаев в городе Вене не так много, зато в горах вечно что-нибудь происходит – лавины, оползни, камнепады.

Бродяг и алкоголиков без крыши над головой (Obdachlosen) тоже хватает, и одинокие мужчины и женщины в Вене расплодились как грибы после дождя, поэтому умри какой-нибудь господин Ганс, никто даже и не подумает спросить, а где труп этого одинокого дяди, который давно не выходит из своей квартиры или почему перестала покупать газету старушка фрау Риттер...

С такими невесёлыми мыслями я сидела на стуле и ждала своей очереди. Передо мной было всего три человека – один

мужчина и две женщины. Они сосредоточенно молчали, наверно, не хотели рассказывать, какой орган им нужен.

Наконец меня пригласили в кабинет, который скорее напоминал каморку. За столом сидел симпатичный мужчина в белом халате – скуластое лицо с бородой и усами было привлекательно. Этот человек, несомненно, был яркой личностью, в его присутствии становилось не так важно, что произойдёт дальше, он обволакивал вас своей энергией. Тот мужчина, что заговорил со мной в метро, сидел в углу на стуле и казался совсем маленьким рядом со своим могучим шефом.

– Мы рады, что вы пришли. Возможно, вас привело к нам любопытство или какие-то жизненные неурядицы – в любом случае, мы рады, что нас посетила оригинальная и смелая женщина, – сказал человек в белом халате. – Меня зовут Доктор Вайсман. Я биофизик и врач и хочу обсудить с вами возможность нашей дальнейшей совместной работы.

– Почему вы решили, что я оригинальная женщина? – спросила я.

– Потому что вы не используете косметику и читаете философские книги.

– У меня другой путь к успеху – я умею восхищаться талантами мужчин и соблазняю их хорошо приготовленным обедом, а в Европе, к счастью, большинство «туземок» совершенно разучились готовить дома еду. Но это вовсе не значит, что моё здоровье позволяет мне принимать участие

в научных или полунаучных экспериментах! – добавила я поспешно.

– Да, мой ассистент, магистр Бейлис, сообщил мне, что у вас рак и что-то ещё. Но я вас хочу обрадовать: нас это не пугает. В предварительной беседе мой сотрудник не мог раскрывать перед вами все наши секреты. Так вот, мы предлагаем вам поездку в Тибет за счёт фирмы и можем на 95% гарантировать излечение от всех болезней и омоложение вашего организма на 20 лет. Поскольку речь идёт о перемещении во времени, то и все ваши болезни, которые вы приобрели за последние 20 лет, исчезнут. Надеюсь, вы понимаете, что это значит...

– Да, это очень увлекательно. Но где гарантии, что вы увезёте меня в Тибет, а не куда-нибудь в Айзенштадт, где у вас подпольный Центр по разделыванию трупов, и преспокойно избавите мой немолодой организм от лишних органов, на которые в наше тяжёлое время большой спрос.

– Всё, что связано с путешествием, вы обсудите с нашим сотрудником, – продолжал он абсолютно невозмутимо, как будто не слышал того, что я сказала, – он так же покажет вам проспекты, закажет вам билеты *в оба конца* и расскажет о том, как будет проходить ваше путешествие.

Вдруг зазвонил телефон. Доктор Вейсман долго препирался с абонентом. Потом обречённо положил трубку и обратился ко мне:

– Кстати, вам придётся найти деньги на дорогу. Наш спон-

сор в последний момент отказался платить за билеты наших клиентов, но я думаю, что вы понимаете: если речь идёт о 20 годах жизни и избавлении от страшных болезней, то игра стоит свеч. Кстати, если вы найдёте нам ещё одного участника экспедиции, то ваш полёт будет стоить в два раза дешевле, – завершил он свой монолог без паузы, как будто не заметил моих язвительных замечаний.

Мы тепло попрощались с симпатичным учёным, который даже не смог найти толкового спонсора для своего сногшибательного проекта, и тогда у меня появилась надежда, что никто не будет трогать мои органы, а поездка в Тибет может быть в любом случае интересной. «А почему бы и нет, – подумала я. – Приключение – это и есть жизнь...»

Предвкушая избавление от 20 прожитых лет, я отправилась домой.

* * *

Придя домой, я поняла, что переговоры с будущими учителями меня утомили, даже пришлось прилечь на диван с книжкой знаменитого московского критика...

– Правая нога... Моя правая нога... Надо пошевелить пальцами, почему это так трудно? Вот и получилось, гимнастика по утрам, я всегда начинаю свой день несколькими упражнениями: разминаю свои руки, которые почему-то

всегда холодеют за ночь. Моя правая нога меня всегда беспокоит, ведь в детстве я перенесла полиомиелит – детский паралич. Меня вылечила мама – возила на юг, делала массажи, выхаживала, как могла. Мама спасла меня от хромоты, я была подвижным, резвым ребенком, вот только пальцы на ногах немеют по утрам... Почему так темно? Неужели шторы не пропускают свет? Я пытаюсь сесть, но моя голова... Лежу несколько минут без сознания, но потом вновь чувствую свои ноги и начинаю шевелить пальцами. Что происходит? Где я?..

* * *

Гроб стоял в комнате, освещённой одной тусклой лампой, которая стояла в углу. Крышка была закрыта неплотно, и воздух попадал внутрь, где покоилось тело женщины, чья смерть была лёгкой и красивой. Она заснула и не проснулась. Но сердце каким-то невероятным образом вновь заработало, под влиянием одной недодуманной до конца мысли: *«Уйти, убежать из этого мира и попасть в другой, прожить ещё одну жизнь, но учесть все нелепости и ошибки, которые я совершила в этой жизни. Стать тем, кто ты есть, не откладывая на потом свою настоящую, единственную, неповторимую жизнь. Каждый день идти к своему избавлению от косности к Свободе, ОТ НЕЗНАНИЯ К ЗНАНИЮ, от отчаяния к пониманию...»*

Эта мысль и заставила сердце сделать ещё одно сокращение, потом ещё одно, и так медленно оно вошло в привычный ритм, разбуженное одной только Мыслью...

...И всё-таки ей удалось сдвинуть крышку, она села... Оглянувшись вокруг, всё поняла и тихо засмеялась. «Тоже мне, новая Сара Бернар – проснуться в гробу! Я живая? – спросила она себя и потрогала шею и руки и дотянулась до ног. – Странно, я совсем нестарая, когда же я успела умереть? Катастрофа на дороге или в самолёте, а может быть – под водой?» Нет, она не помнит. Это случилось не с ней, это случилось с кем-то другим, а её по ошибке положили в этот красивый дорогой гроб... Может быть, подождать, когда кто-нибудь придёт на похороны, и тогда озадачить всех разом... А если кто-то не хочет, чтобы она воскресла, ведь её могут вновь убить, а потом эти крики и суета – а кто-то просто умрёт от страха... Нет, надо тихо исчезнуть, уйти, убежать... Но бежать она не могла. Движения давались с трудом. Сколько она пролежала? Не делать резких движений, давление крови такое маленькое, надо успеть уйти отсюда, тогда, может быть, её увезут в больницу, и никто не будет знать, кто она... Действительно, кто она? Это её мысли или кто-то думает за неё?

По ночным улицам медленно шла женщина в белых одеждах, босиком – белые тапочки сразу промокли, она даже не заметила, как они развалились после сотни шагов по мок-

рому асфальту. Дождь прошёл совсем недавно, было сыро, но тепло. Воздух, насыщенный ионами, освежил её, и мысль о том, что она жива, разлилась по всем клеткам её Тела. Я живу, я покинула обитель мёртвых, меня уже не похоронят... Нет, когда-нибудь я снова умру, но тогда я буду старая и немощная, но не сейчас, не сейчас... У меня ещё есть время, чтобы путешествовать... Где закончилось моё земное путешествие?..

И вдруг она вспомнила, что садилась в самолёт, её провожал приятный мужчина и говорил, что она помолодеет на двадцать лет, что она летит в Тибет... почему Тибет?.. Куда же она прилетела? Что с ней случилось, и где она? Что это за город?

* * *

– Как ты мог оставить свою мать одну?

– Она была в гробу. Я устал, мне захотелось поесть, и я пошёл на полчаса перекусить.

– Её кто-то украл!

– Кому нужен труп женщины?

– Она здорово помолодела, когда прилетела из Тибета! Она прошла какой-то курс очищения или... Но в один прекрасный день она легла и не проснулась.

– Ты даже не пытался вызвать врача, может быть, это был летаргический сон?

– Она была холодная, сердце не билось, она была мертва!

– Почему ты не любил свою мать?

– Не знаю. Она меня всегда раздражала. Я не понимал свою мать!

– А ты разве пытался её понять?

– Я завидовал своим друзьям, у них были нормальные матери. Они всегда были довольны своей судьбой. А она...

– Что в ней было не так?

– Она всегда была мне непонятна, как инопланетянка. Вечно чем-то занята, вокруг неё были люди, которые её обожали.

– Её обожали, а тебя не замечали.

– Нет, они всегда говорили: смотрите, это её сын. Рядом с ней я был никто, просто её сын.

– Но разве она не любила тебя?

– Не знаю, она никогда не показывала мне свою любовь. Она была слишком рациональна, для неё книги были важнее, чем я...

– Просто у вас были разные интересы. Ты не хотел понять её, а она не понимала тебя...

– Моя мать слишком любила отца, он и она были единое целое, а мы с братом были здесь ни при чём...

* * *

– Мы её не нашли.

– Как это произошло?

– Наверно, она вышла из гипноза раньше других и попросту ушла.

– Но ты понимаешь, что это значит!

– Ничего это не значит. Даже если она вернётся домой, то она не сможет вспомнить то, что с ней произошло.

– Ты в этом уверен?

– Я уверен.

– С тем, что происходит в мозгу человека, никогда нельзя быть уверенным. Если ты станешь Создателем, даже тогда Мозг может выйти из-под контроля. Ты понимаешь, что это значит?

– Ты вечно всё преувеличиваешь! Твоя страсть из всего делать проблему меня утомляет.

– Зато тебе на всё наплевать! У тебя всегда всё в порядке, даже если ты стоишь на краю пропасти. Ты просто сумасшедший, которому ничего не страшно!

– Нет, мой дорогой, сумасшедший – это ты. Я тебе собрал потрясающих интересных человеческих типов, мы провели сложнейшие эксперименты, при этом наш заказчик выдал нам круглую сумму за нашу непростую работу, а ты устраиваешь истерики из-за пустяка!

– Свидетель наших экспериментов на свободе! Ты понимаешь, что это значит?

– Это ровным счётом ничего не значит, прежде всего потому, что наши эксперименты никому не повредили.

Нам удалось подтвердить гипотезу о том, что Время движется в разных направлениях, мы излечили многих людей от страшных болезней, мы вернули этой женщине по крайней мере двадцать лет жизни!

– Но если она вспомнит...

– Что она может вспомнить? Что она сидела в храме с группой туристов, они слушали тибетские молитвы, смотрели на разноцветные костюмы монахов, били тамтамы, гудели тибетские трубы... Что ещё она может вспомнить?

– Она может вспомнить ещё кое-что...

– Мало ли какие сны можно вспомнить? Разве ты не видишь иногда фантастические сны? Кто из людей может отличить, где сон, а где действительность? Это, кстати, серьёзный философский вопрос. И пока никто не может дать на него ответ... Что есть жизнь на самом деле? Что? Разве это не смена снов ребёнка, юноши, взрослого человека и выжившего из ума старика? Подумай! Разве я не прав?

– Я теперь понимаю, почему эти люди как овцы пошли за тобой. Ты настоящий гипнотизёр, ты можешь уговорить кого угодно. Твой философский трёп страшнее тибетских плясок и музыки.

– Скажи, чем ты недоволен? Почему ты вечно взволнован и вовсе не по тому поводу, что нужно! Разве это важно сейчас здесь в данную минуту, где эта женщина и что с ней происходит. Мы не Боги, мы не можем проследить за всем, что происходит не только на планете Земля, но даже в собствен-

ном желудке, даже он нам не подвластен, потому что, в сущности, делает, что может и когда ему вздумается, в зависимости от того, какую пищу мы ему предоставим. Но ты же знаешь, что ещё тысяча причин может испортить наше пищеварение, если наши нервы переутомлены, если гормоны не работают, если в клетках организма слишком много паразитов, если близкий друг вечно чем-то недоволен, если ты давно не принимал ванну и так до бесконечности. Ты учёный или нет? Как можешь ты остановиться на одной проблеме, когда их миллиарды! И не нам их решать. Это чудо, что мы хоть что-то узнали, при этом никто не погиб, и даже наоборот, мы совершили маленькое чудо...

– Да, я хотел тебя спросить, почему мы сами не вошли в солнечную камеру, почему мы сами не участвовали в эксперименте? Ты не хотел рисковать?

– А кто бы тогда вернул людей на Землю? Или ты думаешь, что наши заказчики пошевелили ли бы пальцем, чтобы вернуть людей в атмосферу?

– Разве нельзя было остаться в ноосфере?

– Остаться, конечно, можно. Но это был бы другой эксперимент. А на сей раз мы просто люди, которые живут на Земле... И не вправе лишать других людей почвы под ногами в самом прямом смысле...

– Итак, оказывается, женщина тоже может думать, да ещё как!

– Невероятно! Никогда бы не поверил, если бы не этот

тест! Среди мужчин с нулевым коэффициентом было 30%!

– И всё-таки я не понимаю, как она могла уйти?

– О ком ты?

– О нашей русской, той, которая читала Сократа.

– А что, по-твоему, я должен был сделать? Убить её или, может быть, усыпить лет на двадцать и наблюдать?

– Но задержать на месяц ты мог, можно было что-то придумать, например, карантин. Неужели ты не понимаешь, что мы сделали уникальный эксперимент. Мы доказали, что есть нечто, что сильнее материальных законов, и это нечто – Мысль. Если человек, даже если это женщина ДУМАЕТ, то он или она молодеют! Происходит чудо – клетки мозга обновляются, процессы старения останавливаются... Ты понимаешь?

– Я всё понимаю, но я не бандит и не садист. Я не могу держать живого человека в клетке только потому, что с ним хорошо идут эксперименты.

– Ты не учёный, у тебя нет ни капли честолюбия. Ты понимаешь, что это нобелевская в чистом виде, это открытие века, это...

– Что ты от меня хочешь? Чтобы я стал убийцей?

– Я не предлагал тебе её убить, просто она должна быть под нашим наблюдением. Её надо найти, во что бы то ни стало!

– Во-первых, это невозможно, а во-вторых, даже если ты её найдешь, что ты ей скажешь и чем ты объяснишь свой

безумный интерес к ней?

– Но ведь нам удалось заманить её в Тибет!

– У неё в этот момент была подходящая семейная ситуация, от неё ушел муж, она осталась одна, и страсть к путешествию победила доводы разума.

– Но она рисковала!

– Она любопытна, как все женщины!

– Но она умна не как все женщины. У неё в голове кое-что происходит!

– В наше время полно умных баб, никого этим не удивишь.

– Умных-то, может быть, и много, но все они ограничены, как бараны на лугу – объедают травку на огороженном маленьком пространстве! Если пастух не погонит вперёд или назад – так и будут пастись на трёх метрах, пока не околеют от голода и от одиночества. Все зациклены: кто на мужиках, кто на тряпках, а кто на деньгах или престиже. А этой бабе на всё наплевать! Она просто думает и получает от этого удовольствие, и больше её ничего не интересует: как одета, есть ли деньги, есть мужик или нет. Она сама как Сократ, которого она и любит...

И такую бабу ты отпустил!

Вена 2004

Летучий голландец

2300 год

Летать было его страстью с детства. Когда он был маленьким мальчишкой, у него болела шея от того, что он всё время задира́л голову и смотрел в небо. Что там творилось? Самолёты сверкали на солнце металлическими боками или выплывали из тьмы ночного неба, высвечивая путь мощными прожекторами. Большие пассажирские гиганты прочерчивали небо где-то в недостижимой высоте за пределами купола, который охранял наземную атмосферу и не пропускал космическое излучение: в третьем тысячелетии оно стало смертельным для человека.

Увы, на Земле всё ещё случались пожары и наводнения, а вражда, как бацилла древней болезни, подчас вспыхивала между людьми и целыми народами.

Купол, опоясывающий большую часть Земли, периодически повреждался метеоритами и осколками отработанных космических станций, и тогда пожарные заделывали «прорехи в небе».

Наступила эпоха, когда летательные аппараты невозможно купить, но право летать можно завоевать, получив важную профессию, например, летающего уборщика. В обиходе их называли «Летучий Голландец» – в память о знаменитой

опере Вагнера конца XIX столетия.

Тонны отходов всех стран каждый день нужно было доставлять в кратеры знаменитых вулканов, которые человечество приспособило для этой цели. Андреас приехал в Центр подготовки пилотов, чтобы пройти контрольные испытания и психологические тесты.

«Что это за страсть – летать? Почему даже несчастной прачке (Андреас вспомнил один знаменитый роман про прачку-философа из „бумажной культуры“ конца XXI столетия) иногда хочется разбежаться, раскинуть широко руки и броситься в бездну? А разве летающие рыбы – это не обезумевшие „прачки“? Кстати, вот уж первобытная профессия и давно забытое слово. В каждом доме есть ионная камера, и в конце дня одежда „промывается“ за считанные секунды. И всё-таки – почему же внезапная волна вынесла маленьких рыбок на берег? Может быть, плавники превращались в крылья миллионы лет? Или Великий Создатель раз и навсегда предназначил одних летать, а других ползать?»

Андреас ехал на роликах по спецдорожкам маленького городка (пешком этот Центр обойти невозможно), кругом была зелень – поляны, оранжереи, в них причудливо сочеталась искусственная и живая природа: пели птицы, благоухали цветы. Он смотрел на плеер компьютера, который указывал направление следующего поворота. Сегодня ему предстояло встретиться с главным менеджером Центра, и он волновался.

Андреас знал, что пилот Нового Времени должен быть человеком собранным, как пружина, которая в любую минуту может распрямиться и вновь собраться. Это тип «Человек действия». Его натренированный мозг и тело мгновенно реагируют на любые неожиданности. «Но что же главное? – спрашивал себя Андреас. – Чтобы никто не узнал, что он воспитанник школы на островах! Иначе его к самолётам даже близко не подпустят...»

Эти школы были созданы 100 лет назад для особо одарённых детей, у которых один или оба родителя не могли воспитывать своего ребёнка. Люди Нового Времени увлеклись полётами в Космос, экспедиции отправлялись к далёким Галактикам, и разлука с Землей затягивалась на десятилетия, многим из смельчаков вообще было не суждено вернуться на Землю...

Общество брало на себя заботу об их детях. Для них человечество создало рай на Земле – острова в океане, где они могли созерцать дикую природу, играть на инструментах всех эпох и народов. Там хранились архивы многих музеев мира и собраны книги на всех языках.

Эти дети не знали, что такое компьютер, и никогда не смотрели телевизор. Их день был распisan по минутам: утром – точные науки, в паузах – спорт, затем – древние и современные языки и история культуры планеты. По вечерам они устраивали диспуты, обсуждали научные и общественные проблемы, занимались музыкой и развивали голос.

Эти школы пытались создать идеального Человека, в котором гармонично развивалось и тело, и интеллект, и чувство прекрасного, и благородство, и сострадание к ближнему... Именно эти дети должны были продолжить дело Цивилизации.

Однако дети, воспитанные без родителей, не допускались в профессии, которые требовали предельного риска, где приходилось брать на себя ответственность за жизнь других людей. Увы, нередко их поступки были непредсказуемы, иногда они поражали гениальными открытиями, но случались и страшные аномалии: они превращались в убийц или уничтожали себя самым невероятным способом. Без материнской любви (как бы ни хороши были воспитатели) их души оставались чѐрствыми, они не знали, что это значит – любить и быть любимым.

Действительно, быть поглощённым процессом познания – не значит ли это стать наркоманом информации? Однако их открытия окупали средства, которые человечество тратило на содержание современных эйнштейнов и пифагоров. В этих людях концентрировалась энергия чистого Разума Человечества.

Андреас был воспитанником одной из таких школ...

– Андреас! Привет! Не спеши! – кричал Андреасу его школьный друг Виктор. – Как тебя занесло в наш научный Центр? Ты что, решил стать пилотом?

– Да, убежал из нашего первобытного рая. Хочу понять,

чем дышат современные люди. Устал от бесконечных наставлений – прочтите то, сделайте это, стремитесь к совершенству, вы будущее всего человечества. Изучайте себя, познание – это... Мне всё надоело, всё!

– Я так рад тебя видеть, Андреас!

– А что ты здесь делаешь? Тоже сбежал?

– Не совсем! Меня пригласили в один проект. Помнишь, я всегда увлекался ботаникой. А теперь я подопытный кролик!

– Ты что, шутишь?

– Нет, абсолютно серьёзно. Я в группе, которая изучает экскременты вегетарианцев. Мы едим одну капусту в течение недели и запиваем дистиллированной водой. Отходы нашего организма – большая ценность. Из них получают препараты от многих болезней... Но только не для людей, а для растений.

– Это интересно...

– А ты что, серьёзно хочешь стать «Летучим Голландцем»?

– Конечно, серьёзно! Каждый день рисковать жизнью – это и есть Жизнь!

– Но как ты сюда добрался? Нужно облететь полпланеты, чтобы попасть в наш Центр!

– Да, это было непросто. Мне помог один человек. Ему тоже всё осточертело в нашем раю, и он помог мне продать одну идею международному концерну «ХОЛОД», а остальные деньги мы заработали в Африке в заповеднике. Потом

мы вместе улетели на материк...

– Кто этот таинственный незнакомец? Волшебник из прошлых веков?

– Нет, это мой отец.

– У тебя нашёлся отец! Вот это здорово! Теперь ты не принадлежишь школе и можешь выбирать любую профессию. Кстати, как это произошло?

– Всё очень просто – отец вернулся из космической экспедиции и нашёл меня. Он один остался в живых. Моя мама погибла во время посадки вместе с другими учёными: разгерметизация станции. Отец был единственным человеком, который не поленился выполнить инструкцию и надел скафандр при приземлении...

– Этого просто не может быть! Разве на космическом корабле компьютер не выполняет функцию контроля?

– Космонавты отключили компьютер, он им надоел своими советами и приказами.

– Да, это печально. Человек не желает подчиняться даже в космосе. Почему люди упрямы, как дети?

– Наверно, они не хотят жить рационально. И продлевать свою жизнь. А почему мы убежали из нашей идеальной школы? Почему?

– Если бы мы могли ответить на эти вопросы, нам не пришлось бы в тридцатом тысячелетии очищать города после атомных взрывов и тушить пожары в заповедниках... – сказал Виктор задумчиво.

Эту беседу Андреас и Виктор вели на искусственной зелёной поляне в двух метрах от роликовой дорожки. Над их головами кружили настоящие бабочки, они родились в искусственном дупле большого старого дерева, переливались всеми цветами радуги и собирали нектар с цветов, политых медовым сиропом. Люди сидели на лавочках и креслах из эбенового дерева, плантации которого заменили лёгкие сорта древесины – это было дорогое удовольствие, но зато практично – «вечные» скамейки; автоматы разносили салаты из овощей и берёзовый сок, который привозили из далёкой России, – это был удивительно лёгкий напиток с ароматом только что очищенного яблока – двурукий автомат настойчиво предлагал: «Пейте берёзовый сок – это полезно!»

Андреас и Виктор взяли по пластиковому стаканчику и вдохнули аромат цветов и леса.

– Не понимаю, как могут некоторые чудаки не любить технику, отрицать пользу цивилизации? Человек создал рай на Земле...

Над головой раздался оглушительный вой сирены. Посетители Центра забеспокоились и, следуя инструкции, устремились в Отсек Защиты.

Усевшись в индивидуальные кресла, Андреас и Виктор перевели дух и надели наушники. Голос по радио сообщал: *«Радиационный фон повысился, для восстановления его нормального уровня понадобится более 12 часов. Мы предлага-*

ем впасть в продуктивный сон на 10 часов. За время сна в ваше подсознание будет введена информация о том, что происходит на Земле и ближайших планетах, а затем мы рекомендуем вам пройти в Отсек Контроля и принять антирадиационные пилюли в зависимости от веса и возраста организма», – вещал диктор.

– Мы с тобой так давно не виделись, что спать не будем, – сказал Виктор. – Я всегда отключаю наушники, когда попадаю в Сектор Защиты.

Они вылезли из кресел и уселись в углу на маленький диванчик, совершенно не гармонизировавший с проводами и сложнейшей аппаратурой, которая подавала чистый воздух, питание и воду.

– Расскажи, какую идею ты продал концерну «ХОЛОД»?

– Это произошло случайно. Я сидел в блоке, где мы обычно медитируем, и на фоне ночной тишины и звуков леса меня раздражал неприятный гул – звук моторов наших холодильных установок. Представь разницу между парусником и моторной лодкой... Тихое стремительное скольжение или безумный рёв... от которого лопаются ушные перепонки.

– Но таких судов почти не осталось!

– А режущих холодильников было сколько угодно, особенно это понимаешь ночью, когда в мире наступает относительная тишина. В детстве я читал много книг по истории и этнографии, интересовался бытом первобытных людей. Знаешь, что они делали, когда отдыхали после тяжёлой

и страшной охоты? Они ложились на землю и охлаждали своё тело. Я спросил себя: почему они это делали?

– Потому что у них не было домов с кондиционерами...

– У них тогда вообще ничего не было, кроме мамонтов, саблезубых тигров и диких папоротников, но они должны были как-то сохранять пищу в жаркое время года, иначе они бы вымерли и эволюция прекратилась. Так вот, они рыли в земле ямы и хранили там еду. Тут я и подумал, что в почве содержатся вещества органического происхождения, которые выделяют холод – перерабатывают тепло и поддерживают стабильно-низкую температуру.

– Как же они это делают? Едят горячую пищу, а выделяют лёд?

– Ты угадал, механизм примерно такой. Только химические реакции вряд ли можно назвать «едой», скорее это поглощение и выделение.

– Но разве живой организм?..

– А кто тебе сказал, что это живые организмы? Я думаю, что это органика очень древнего происхождения.

– А как ты заставил эту «органику» работать на тебя?

– Во-первых, не на меня, а на холод. Во-вторых, программа, которую я придумал и ввёл в компьютер, «ставила» перед «ними» идею холода.

– И они тебя понимали?

– Этого я не знаю, но я поместил эти органические соединения в «Информационную камеру», и они стали произво-

дить холод в десять раз интенсивнее!

– Ты, Андреас, рассказываешь мне сказки!

– Не ты первый мне не веришь! Многие эксперты поначалу смеялись надо мной. Но серии экспериментов были проведены на разных континентах и даже в космосе. Мои «органчики» работают тихо и умудряются снижать температуру в небольшом пространстве. Они «питаются» вредными газами – значит, очищают воздух... Это дополнительный эффект!

– Теперь я понимаю, почему ты хочешь изменить профессию. Ты засиделся в лаборатории, и тебе хочется вырваться на простор!

– Да, я хочу ощутить скорость Нового Времени, его темп. Я избавился от многих иллюзий, перестал быть старомодным. Я вырос в эстетике велосипедного человека. Меня раздражал шум мотора холодильника! Теперь я мечтаю о рёве реактивного двигателя! Вот только возьмут ли меня?

– Не волнуйся, в нашем Центре работают лучшие психологи Земли, если понадобится, они вмонтируют в твой мозг дополнительный чип...

Виктор и Андреас принадлежали к популяции Новых людей третьего тысячелетия. Им обоим было более 100 лет, но Новая медицина успешно заменяла старые органы на новые, выращивая их из клеток путём клонирования. Каждые 25—30 лет тело человека полностью обновлялось, как в да-

лёкие времена запчасти в автомобиле. Однако продлевать свою жизнь могли лишь те люди, кому удавалось сделать открытие, полезное для человечества, те, кто неустанным трудом доказывал свою принадлежность к Долгожителям.

Деньги и материальные ценности потеряли свой былой смысл, ибо высокий уровень жизни обеспечивался каждому человеку на Земле ещё при рождении как пожизненная рента. Однако в Новейшее время люди гонялись за Проблемой, решив которую, они могли попасть в разряд вечно юных...

Вена, 2004 г.

Лавка чудес

Фантастическая юмореска

Мне не нравится летать на самолёте, а на ракете тем более – природу я люблю гораздо больше, чем технику. Как это ужасно – зависеть от бездушной машины, с которой у меня нет ничего общего.

Предпочитаю рисковать совсем по-другому. Иду в «Лавку чудес» и покупаю, к примеру, банку необыкновенного фантастического песка, на банке табличка: «Пустыня». Если я высыплю этот волшебный песок в дальнем конце своего сада, никто не знает, в кого я превращусь: то ли в ящерицу, то ли в таранула, а может – просто в колючку, которую сжуёт верблюд бедуина.

Но вчера в «Лавке чудес» был рыбный день, и я купил бутылку с морской водой. Пришёл домой, вылил содержимое в бассейн у своего дома и... *плыву, рассекая носом зелено-голубоватую воду, она сразу превратилась в морскую, и я почувствовал её особый солёный вкус.*

Моё упругое сигарообразное тело скользит и скользит, я несусь вперёд, не чувствуя своей тяжести.

Жаль, что мой домашний бассейн очень мал: поворот, опять поворот, неумелым движением поднимаю голову, и, не рассчитав усилие, едва не вылетаю из морской ванны, как бы зависаю над бортиком, и вновь погружаюсь в воду.

Но целое мгновение парю в воздухе и успеваю увидеть лужайку перед своим домом, элегантную постройку XXII века.

«Всё-таки хороший архитектор строил мой дом!» – проносится в моей голове.

Ещё один вдох, и я падаю в упругую морскую воду.

Я не знаю, кто я, мысль о доме была последней, а теперь я испытываю лишь одно желание – двигаться, резвиться, осязать и охлаждать свою кожу новым прикосновением воды, воды, воды...

Вновь и вновь плыву: то погружаюсь ко дну, то несусь у поверхности воды, выпрыгиваю вверх, прыгаю, ещё поворот, вдоль, назад, прыжок – глоток воздуха и резвость, резвость как безумие, как упоение свободой...

– Мама, смотри, кто-то носится в нашем бассейне! Да это дельфин!

– Ну и что особенного. Наверно, отец привёз его из экспедиции и выпустил в бассейн! Постой, на стуле лежит его одежда, а вот стоят летние туфли...

Я оглядываюсь по сторонам и вижу странную зелёную бутылку, обросшую мхом, будто она пролежала сотню-другую лет на дне какого-нибудь моря...

– Может быть, отец переоделся? – спрашиваю я.

– Ты же знаешь, он носит эти брюки всё лето. Он вовсе не замечает, в чём он одет, и рассеян, как все учёные. Боюсь, что-то случилось. Может быть, катастрофа на планете Тра-

фальмадор? Ведь там погибла вся биомасса, а он... если бы не открытия нашего отца, мы на Земле давно бы погибли из-за отходов цивилизации...

– Мама, папа не мог улететь и не попрощаться с нами, – говорю я и осторожно прикасаюсь к бутылке, которую мама просто не заметила. И тут же отбрасываю её со стоном – в лицо ударяет странный резкий запах. Глаза и нос щиплет, я закрываю глаза руками и на ощупь пробираюсь в дом под вакуумный душ.

Прихожу в себя и возвращаюсь на то место, где только что была *таинственная бутылка*. Она исчезла. В двух шагах нахожу фирменную крышку от неё с надписью: «*Лавка чудес*».

– Что это? – спрашиваю у мамы. Она задумчиво переключает папины вещи и вдруг вскакивает со стула, на котором сидела, бежит к бассейну и кричит:

– Павел! Павел! Где ты?

Из бассейна выпрыгивает дельфин, и мы слышим что-то похожее на вздох:

– Я здесь!

– Мама! Ты слышала?

Мама ничего не отвечает, а только машет руками и бессильно опускается на траву. Через минуту к ней возвращается дар речи:

– Эти эксперименты до добра не доведут. В прошлый раз я гоняла по всему дому прожорливых ящериц, ведь я не знала, что одна из них – твой отец. Хорошо что я не вызвала

«Группу очистки» с дезинфекцией... А потом отец клялся мне, что никогда не будет НИ В КОГО превращаться, и вот – опять, пожалуйста...

Я слушаю маму, а сам смотрю вокруг и вижу бумажку, сложенную вчетверо. Может быть, это письмо отца? Разворачиваю и читаю: «Если вы обнаружили, что кто-то из ваших близких пропал, не пугайтесь, значит, он или она увлекся игрой в СТИХИЮ и ПРЕВРАТИЛСЯ в Носорога или Слона, Черепаху или Дельфина...»

– Да, на этот раз, к счастью, Дельфин, – говорит мама.

– Через 24 часа, – читаю я дальше, – тот, кто неузнаваемо преобразился, вернётся к вам. Только не старайтесь за ним подсматривать, иначе он останется навеки Носорогом или Слоном...

– Ты представляешь? Он мог превратиться в Слона! Где бы мы раздобыли для него корм? Слава Богу, рыба в холодильнике у меня есть, – говорит мама и уходит в дом.

«Вот это выдержка, – думаю я и продолжаю наблюдать за прыжками моего папаши. – Всё-таки в свои 45 лет он ведёт себя как ребёнок, резвится вовсю и не обращает на меня никакого внимания». Я подхожу к краю бассейна и кричу:

– Папа! Сделай что-нибудь!

Дельфин выскакивает из воды и делает сальто.

– Скажи мне что-нибудь! – продолжаю я приставать к отцу.

– Не могу-у... – отвечает Дельфин-отец, и я вижу, как

дельфин разевает рот и качает головой.

– Послушай, Андрей, – говорит мама строгим обычным голосом, как будто ничего не случилось, – тебе надо заняться чтением и музыкой. Я не помню, чтобы на этой неделе ты составил новую программу для нашего компьютера!

– Мама! Можно я поплаваю вместе с дельфином, вернее, вместе с отцом?

– И не думай! Будешь делать глупости, когда вырастешь, а сейчас быстро принимайся за уроки.

Конечно, я не послушал маму и незаметно вернулся к бассейну, мне так хотелось увидеть, что будет дальше. Но в один прекрасный момент я заснул...

Отец вошёл в дом весёлый и помолодевший.

– А вот и я! – сказал он так, будто совершил маленькое путешествие на Экватор. – Как вы поживаете, мои дорогие? Где мама?

Я ничего не успел ответить. Из кухни вылетела маленькая красивая птичка колибри и запела:

– Я с вами, дети мои. Я с вами, дети мои...

Мы с отцом бросились на кухню. На полу валялась знакомая бутылка с надписью: «Лавка чудес».

Москва, 1985 г.

Повести

Предисловие автора

«Записки из подвала, или Дневник практичной женщины»

Как только я хочу задуматься над смыслом жизни, у меня начинается расстройство желудка. Сами понимаете, куда надо бежать, забыв обо всём!

Так происходит в моей жизни всегда: хочу стать актрисой, выигрываю конкурс среди десяти тысяч оголтелых девчонок, но вместо того, чтобы стать знаменитой примадонной, выхожу замуж за актёра, который перекрывает мне путь к сцене.

В 19 лет имею ребёнка, каторжную семейную жизнь на рубль в день, в общей квартире в центре Москвы, упрёки мамы, которая отговаривала меня от раннего брака, и одиночество – мои подруги в это время учились и радовались жизни.

Но в моей комнате, что досталась мне от бабушки, был рояль «Шрёдер», на котором я играла в одиночестве, – мужа артиста никогда не было дома... Музыка меня спасла, причём классическая музыка. Моцарт и Бетховен, Чайковский и Скрябин были тогда и являются сейчас моими кумирами, тяжёлый рок в то время был не в моде, кроме того, я всегда занималась спортом, а способность анализировать всё то, что со мной происходит, помогла мне не сойти с ума.

Чтение философских трактатов тоже оказывало благотворное воздействие на мой восприимчивый ум: между семейными неурядицами я умудрилась окончить философский факультет МГУ, одновременно сотрудничала в «Московском Комсомольце», писала стихи и юмористические рассказы.

Мой любимый афоризм того времени из Ницше: «Что меня не убьёт, делает меня сильнее», и мне действительно удалось перерабатывать жизненные неурядицы в энергию интеллектуального роста.

Сознательная жизнь началась в раннем детстве, когда отец заставлял решать математические задачи, тренировал мой мозг – ему нравилось, что я могу складывать в уме огромные числа, и он демонстрировал мои способности своим друзьям. Сам он был талантливый инженер-изобретатель, но в те времена талантливые люди с трудом находили себе применение, а отец был беспартийный, интеллигентный и очень добрый человек. Он воспитывал меня как мальчишку: мы играли в шахматы, вместе читали научно-популярные журналы: «Техника молодёжи», «Знание – жизнь», позже – «Науку и жизнь». Отец обсуждал со мной теорию относительности Эйнштейна, когда мне было пять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.